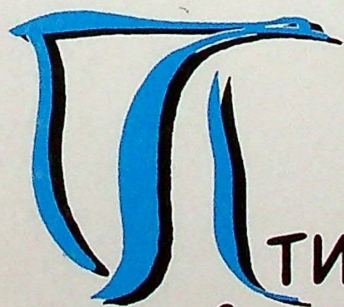
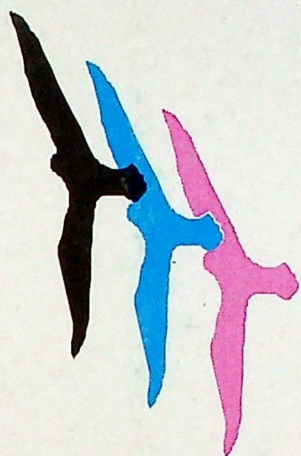

СЕРГЕЙ НОРИЛЬСКИЙ

ТИЦЫ ПОЭЗИИ
ДАВИДА
КУГУЛЬТИНОВА

Сергей НОРИЛЬСКИЙ

ПТИЦЫ ПОЭЗИИ
ДАВИДА
КУГУЛЬТИНОВА

Такой художник слова, как Кугультинов, рождается в недрах своего народа, в «галактике» его духовного и нравственного опыта, в его муках и радостях.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

Тула ■ 2006

**ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Н 82**

**НОРИЛЬСКИЙ С. Птицы поэзии Давида Кугультинова.—
Тула: Гриф и К, 2006.— 106 с.**

ISBN 5-8125-0758-9

© С.Л. Норильский, 2006

Война и каторга

Кажется, было совсем недавно: после рабочего дня собирались в одной из комнат редакции «Заполярной правды» на Севастопольской улице молодого Норильска любителя прозы и поэзии — металлурги, горняки, строители, инженеры, техники, педагоги, врачи,— люди, одержимые «одной, но пламенной страстью»: писать. Все были равны в безвестности, все мечтали увидеть свои строчки напечатанными типографским шрифтом. И была у них единственная возможность осуществить мечту: опубликоваться в только что созданной «Заполярке». Удавалось не всем и нечасто.

Среди тех двух-трех десятков энтузиастов был калмык лет тридцати пяти, среднего роста, плотный, с широким лицом, на котором нередко светилась приветливая улыбка. Он активно участвовал в обсуждении стихов и рассказов, приносимых в литературное объединение. В оценках был точен и требователен. Кое-кому приходилось слышать от него и такое, что переживалось болезненно. Однако большинство воспринимало критику как должное.

Непривычную для многих фамилию этого человека трудно было произнести и написать правильно. Потому в журнале посещений и дневнике занятий он значился то Кугультинов, то Кугульдинов. А первое напечатанное в многотиражке Норильлага стихотворение было подписано Давид Кучумитинов: сотрудница, готовившая к печати, не разобрала подпись.

...Да, кажется, это было недавно. Но, когда подхожу к книжной полке, где в числе других стоят и тома сочинений Давида Кугультинова, убеждаюсь: времени с тех пор пролетело немало. И как плодотворно использовал его наш товарищ Давид, как много успел сделать!

Листаю журнал записей Норильского литературного объединения. Год 1955.

«21 марта. Обсуждение одноактной пьесы Александра Смекалина «Под сиянием полярных широт». Выступали: Головин, Андросов, Кугультинов, Векслер, Селегенов, Деменчук.

16 мая. Отчет о работе литературной группы. Среди выступивших — Давид Кугультинов. Он сказал:

«Организационные мероприятия еще не означают успеха. Самое главное — настойчивый и упорный труд. Нужно много читать, это необходимо. Слабо знают участники русский язык. Нужны доклады, читки лучших произведений. Писать — сложная работа, и относиться к этому нужно как к святому. И самое главное: нужно больше писать. Активизировать помощь со стороны редакции. Каждому нужно участвовать в газете».

Запись в протоколе не стенографическая, сделана, как всегда на малых собраниях, торопливо, в меру умения записывающего улавливать и отражать основные мысли и стиль оратора. Можно не сомневаться, что подлинное выступление поэта на той встрече было куда более эмоциональным и убедительным, ярким и красочным.

Большинство собиравшихся в литобъединении не знало, кто такой Кугультинов. Был он только что выпущен из лагеря, где отбывал срок по пятьдесят восьмой статье Уголовного кодекса РСФСР. Статья гласила о контрреволюционных преступлениях — самых страшных в тогдашние времена. На подпавших под нее висело нестираемое клеймо «врага народа». Пробриться его носителю куда-нибудь к заметной творческой деятельности было крайне трудно, почти невозможно.

Прошло еще несколько лет. Вот конспект-тезисы отчетного доклада бюро Норильского литобъединения за 1958–1959 гг. «Главная задача литобъединения — повышать идейно-теоретический уровень и мастерство начинающих писателей». Далее — разбор произведений. «Творчество Кугультинова. Сборник стихов «Глазами сердца». «Советский писатель», Москва, 1958. Стихи, написанные в Норильске и о Норильске. «Моабитский узник». «Поэма о танце Ситары Дэви. Стихи о Родине. Патриотизм стихов Кугультинова».

Как же удалось ему выпустить книгу в самой столице?

Времена меняются. В тот год Кугультинова уже не было в Норильске, он вернулся на свою родину, в Калмыкию.

А ту скромную книжечку в твердой обложке, оклеенной темно-синей бумагой, где бронзовой краской выведено: «ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ. ГЛАЗАМИ СЕРДЦА», я купил в Красноярске в июле 1959-го и через месяц отозвался на нее заметкой в «Заполярной правде». «Глубокой мыслью, тонким лиризмом, чувством любви к Родине, к своему народу пронизано каждое стихотворение Давида Кугультинова,— говорилось в рецензии.— Поистине, «пищей для ума» и «праздником для зрения и слуха» являются многие из стихов, опубликованных в сборнике».

Так начинался поэт, имя которого стало потом известно во всем цивилизованном мире.

Впрочем, зарождался он еще раньше.

В сентябре 1940 года Советский Союз отмечал пятистолетие калмыцкого народного эпоса «Джангар». Газеты и журналы печатали отрывки из поэмы, они звучали по радио, писатели и литературоведы публиковали эссе и исследования.

В тринадцатых тысячах стихотворных строках эпоса воспевалась счастливая страна Бумба, обитатели которой живут в полном довольстве, где всё общее, нет частной собственности. Защитники страны богатырь — Джангар и его воины — обладают высоким мужеством, верностью Родине и долгу. Существовавший в устной памяти калмыков с незапамятных времен, эпос был перенесен на бумагу лишь при советской власти. Поэт Семен Липкин перевел поэму на русский, произведение издали большим тиражом.

Но всенародные торжества посвятили не только старине глубокой. Величественный юбилей был избран убедительным поводом для того, чтобы живописать и крепить дружбу русского, калмыцкого и других народов, в луче прожектора пятистолетней мощности отчетливо и ярко представить достижения государственности и культуры калмыков в советской державе. Столь же помпезно были представлены советским людям «Витязь в тигровой шкуре», армянский, киргизский, эпосы народов ряда союзных и автономных республик. В преддверии великой войны руководство ВКП(б) и Союза ССР возвышало единение народов и советский патриотизм.

В громком и дружном политическом хоре звучал и звонкий голос калмыцкой современной поэзии. И мелькало во все-

союзных и местных газетах никому еще не известное имя: ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ.

Он родился 13 марта 1922 года в селе Абганер-Гаханкины, где его отец был учителем в школе. «Не помню, когда я начал писать стихи, но первое стихотворение напечатал двенадцати лет в многотиражке политотдела совхоза № 107. Стихотворение имело длинное название: «Успешно проведем отелочную кампанию». В нем я определял политические задачи и давал практические указания (...) Я даже стал хуже учиться, создавая каждый день длинные поэмы о чем угодно».

С таким юмором и самоиронией рассказывал Давид много лет спустя в краткой автобиографии «О себе», предпосланной сборнику стихов в серии «Библиотека советской поэзии». (Эта книжка карманного формата в твердом переплете, оклеенная уже не бумагой, а серым коленкором, хранится в моей библиотеке и особенно ценна для меня, поскольку открывается такой надписью: «Дорогому Сергею Львовичу. В память о суровом и прекрасном Норильске, с пожеланием доброго здоровья и всех благ. Д. Кугультинов. 21.IV.65 г.»).

Типичная история зарождения советского поэта. Полудетские вирши, набранные в типографии местного газетного листочка, кружили мальчишке голову, представлялись событием мирового значения. А появились они на печатной странице потому, что политика партии и правительства того требовала. Надо было поднимать активность масс и каждого члена общества, и стихотворные призывы мальчика, как эффективней проводить отелочную страду, способствовали этому. Напиши Давид стихи о цветочках, о любви,— редактор многотиражки скорее всего сказал бы: «Неактуально!» — и протянул тетрадный листок обратно автору.

Итак, свершилось. Завлекательный призрак славы воссиял перед глазами подростка, манил в яркое будущее. И юноша старался. В 1936 году его стихи увидели свет не в совхозной многотиражке, а в центральной калмыцкой прессе. Когда Давид был в десятом классе средней школы, вышла его первая книга «Стихи юности» («Баг насна шулгуд», 1940 г.). Она получила хорошие отзывы и ввела автора в Союз советских писателей. Это был редкий случай. Давиду только что исполнилось восемнадцать. Вступление в высшую творческую органи-

зацию страны в таком возрасте являлось фантастической честью, о какой даже и не мечтали его сверстники, пишущие стихи и рассказы.

Он окончил школу в столице Калмыкии и поступил в пединститут.

Но мощный и жестокий славолубец, бывший ефрейтор и кандидат в живописцы, уже подчинил себе одну из цивилизованнейших наций Европы и бросил на завоевание мира. Двадцатый век к своей середине набирал обороты древней и средневековой дикости. Под марши Бетховена и Вагнера полки и дивизии немецких парней и их отцов вторглись в соседние страны и ринулись на просторы Европы и Африки. Ефрейтор был уверен, что осуществит то, что не вышло у Наполеона.

Вставай, Джангар! Второкурсник элистинского пединститута Давид Кугультинов вместе со старшими братьями и отцами надел солдатскую шинель и отправился защищать Родину.

Члену Союза писателей и начинающему педагогу поручили обязанности литсотрудника в дивизионной газете. Это означало: где красноармейцы, там и он. И его вдохновенное слово способствует их подвигам, вдохновляет на боевые свершения. Под гул бомбовых разрывов в окопах и фронтовых землянках Давид сочиняет стихи и очерки, репортажи и корреспонденции, которые тут же высвечиваются на газетных листах.

В 1942-м гитлеровцы захватили страну Бумбу. У поэта Кугультинова вырывается вопль: «Калмыкия, мать моя, что с тобой стало?!» Его лирический герой слушает фронтовую сводку между боями и представляет себе черные клешни фашистских армий, охватившие Родину. И у него ощущение: «стрелы, по карте ползущие криво, как будто бы кто-то мне в сердце вонзил». Тема стихов Кугультинова отныне одна:

Тоску, наполнявшую сердце вначале,
Раскинь, разбросай, расплещи по стене.
Довольно! Не время теперь для печали.
Ты гневу власть в сердце своем уступи.

Воин-калмык в смертной схватке с врагом. Много строчек посвятил Кугультинов рассказу о пережитом на фронте. Юноша изранен («О, как бы кровь втолкнуть обратно!» — мелька-

ет лихорадочная мысль). Мальчик превращается в мужа. Стихотворец, воодушевлявший животноводов, теперь рисует образ солдата-калмыка, погибающего в схватке с немецким сверстником. В полусознании, истекающий кровью боец видит лицо русской девушки, склонившейся над ним, чтобы перевязать язвы. От имени юного героя поэт заявляет: «И показала мне она весь мир спасающей Россией».

Именно в тот момент смертельной опасности свершилось обручение Кугультинова с одной из главных тем творчества — темой дружбы русского и калмыцкого народов. То был период его гражданского возмужания.

Степы! Если в грозном бою,
струсив, себя запятнаю (...), —
кровь мою в гной преврати! —

это стихи из фронтовой тетради 1941–1942 годов, Поэт достойно провел себя через горнило войны.

Стихи Кугультинова тех лет были первым шагом в подлинную поэзию. В них проявлялись черты его творческого почерка: смелость образа, национальный колорит, глубина и сила гражданского чувства, убежденность интернационалиста.

Во фронтовые годы написана «Песнь осеннего ветра», где «ветер поет, скользя по штыку граненому», где «в синь небес жестоко вонзенная алая сабля луны», где с осеннего неба «свинцовыми пулями — твердые капли светлой холодной воды (...) — нет! — жгучие слезы любимых текут с высоты». Образность, строго адекватная переживаниям лирического героя. Небесный свод Родины, пронзенный окровавленной саблей месяца. Свинец вместо дождевых капель и дождевые капли, жгучие, как слезы Ярославны, — образный строй, присущий военному песнопевцу.

На фронте, в 1943-м, Давид вступил в ВКП(б). Вступил, как и многие верные бойцы, чтобы найти дополнительные запасы мужества и победить врага, а если погибнуть, то — коммунистом.

Давид не умер. Вместе с боевыми товарищами он одолел неприятеля. Но впереди ждали новые непредвиденные испытания. Летом 1943 года калмыцкие националисты собрали пять тысяч бойцов и бросили их против партизан Украины и

Польши. Этот удар в спину Советской Армии отозвался на всех калмыках. 27 декабря 1943 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об упразднении Калмыцкой АССР. Началась депортация калмыков в Сибирь и Среднюю Азию. Весь народ был обвинен в сотрудничестве с фашистами, в измене Родине. В 1945 году фронтовика Кугультинова арестовали по навету и осудили по пятьдесят восьмой статье на десять лет ИТЛ (исправительно-трудового лагеря).

«Я был арестован за стихи, в которых осуждал несправедливость по отношению к моему народу, учиненную в годы культа личности Сталина», — писал Давид в упоминавшейся заметке «О себе».

В то время гнев несправедливый, дикий
нас подавил. И свет для нас потух.
И даже слово самое — «калмыки» —
произносить боялись люда вслух.
Тогда, слезами рифмы закрепляя,
я для друзей писал, я утешал
тех, кто был изгнан из родного края.
Я говорил им: прекратится шквал,
исчезнет все, что наши думы гложет, —
померкнуть солнце Ленина не может!
За то, что я посмел, хотя б отчасти,
судить в стихах жестокий произвол,
не только славы я не приобрел,
но на меня посыпались напасти.
Из-за стихов, по их живому следу,
ко мне ворвался ветер ледяной.
И праздник мой, желанную Победу,
я встретил за тюремную стеной (...)
Близ океана, в стуже ледовитой
провел я десять бесконечных лет
за проволокой частой и колючей,
похожей на тенета паука,
где холодно и жадно — по-паучьи —
высасывала сердце мне тоска (...)
В те злые годы ледящей стужи
что не бывало? Страхом сражена,
иная — даже верная — жена
писала отречение от мужа.

И, выбраться стремясь из липкой сети,
ведь надо ж как-то жить, в конце концов! —
иные — даже любящие! — дети,
рыдая, отрекались от отцов.
И те, кого считали храбрецами,
Друзей и правду предали, дрожа.
Бесценной шкурой, что ли, дорожа,
хоть голубыми не были песцами! (...)
Но как бы круг порочный ни смыкался,
как ночь над нами ни была глуха, —
от правды я своей не отрекался,
не отступал от своего стиха!
Не потерял я совести от страха,
не позабыл природный свой язык,
под именем бурята иль казаха
не прятался. Я был и есть калмык!
Ни под каким нажимом иль допросом
не осквернил души своей допросом!
И эта непричастность к силе зла
наградой высшей для меня была.
Я был душой с народом, втайне веря,
как весь хороший, честный мой народ, —
что к подлым слугам кровожадных берий
расплата — рано ль, поздно ль, — а придет!
Пусть их разгул, — так думал я, — неистов, —
от них очистится, воспрянет вновь
Россия Пушкина и декабристов,
Россия Ленина, его любовь!
Я знал, что мой народ в лесах Сибири
нашел друзей и вновь душой окреп
среди лучших русских, среди щедрейших в мире,
деливших с нами и судьбу и хлеб (...)
И вот теперь, когда прозрачны зори,
и все дороги — чище и прямей,
я счастлив тем, что даже в годы горя
не поступился правдою своей (...)
Ни денег я не приобрел, ни славы,
но высшею наградой дорожил.
И рад, что в многотрудной жизни право
на эти строки честно заслужил.

Это стихотворение, написанное в 1963 году (привожу его в переводе Юлии Нейман в сокращенном виде) впервые появилось в сборнике стихов Кугультинова в Москве в «Библиотеке советской поэзии». Сила выраженного в нем гражданского чувства, пушкинские интонации философски сплетают судьбы русского, калмыцкого, немецкого, чеченского, ингушского, крымско-татарского и других народов. Калмыцкий поэт громко высказал свою боль. Национальное самосознание поэта выражено в стихотворении страстно, проникновенно.

И в прозе Давид Никитич возвышал тот же голос. В статье об очерке Н.В. Гоголя «Калмыки», напечатанной в журнале «Дружба народов» (№ 5 за 1966 г.), он писал:

«В начале пятидесятых годов (...) наиболее осторожные авторы, цитируя знаменитое четверостишие из «Памятника» А.С. Пушкина (...), вместо двух последних строк из-за рифмующегося слова «калмык» ставили спасительное, но неуместное многоточие».

Приспособленчество, как и доносительство, — одна из неизбежных черт периодов войн и диктаторства. Счастлив человек, который, обозревая свой жизненный путь по обрывистым тропам эпохи, может сказать: «От правды я не отрекался».

А беда ведь еще и в том, что и такому человеку могут с полным основанием возразить: Сталин был убежден в справедливости своего гнева. Полагал его народным. Своя правда у диктатора, правда жестокой войны. Вождь сумел убедить в ней по меньшей мере половину страны. Без выселения целых народов, без заградотрядов — возможно ли было победить такого супостата, как Гитлер?

Поэт стойко перенес испытание каторгой. Клятва его юности оставалась прежней, но дополнилась важными штрихами:

От двух только бед упаси меня (...),
от двух только, мать моя, Жизнь!
В минуты, для Родины трудные,
минуй меня труса название,
бегущего зайцем в кусты.
Минуй меня звание черное
безвинных губившего некогда
презренного клеветника.

В ханстве - образцовый рай

В Норильск Давида привезли с очередным этапом заключенных в 1946-м. Работать направили на БМЗ — большой металлургический завод. Определили пачуковщиком в хлорно-кобальтовый цех. Это очень ядовитое производство в то время находилось на крайне низком уровне техники безопасности. Давид получил сильное отравление. Спасли юношу два доктора: Иосиф Янулявичус и Владимир Родионов. После больницы ослабленного зека зачислили сторожем в котельную поселкового родильного дома, что помещался в двухэтажном кирпичном доме неподалеку от норильской теплоцентрали.

Из котельной Давида, как человека грамотного, через некоторое время перевели в роддом санитаром.

Воспоминания Нины Балугеиной «Тропкою памяти далекой», опубликованные в «Заполярной правде», 1988 год:

«Когда я работала в бюллетене «За ударный труд», поселковая почта доставила в КВО (культурно-воспитательный отдел Норильлага.— С.Н.) конверт из одного лаготделения — несколько рукописных страничек: отрывок из поэмы о Великой Отечественной войне. С первых же строк было ясно, что стихи талантливые. Газета издавалась для заключенных, и мы эти стихи опубликовали. Только вот подпись автора никак разобрать не могли. В конце концов, без уверенности, но остановились на варианте, предложенном машинисткой Верой Александровной: КУЧУМИТИНОВ.

Было это в конце 1946 или в начале 1947 года. Позже я услышала фамилию КУГУЛЬТИНОВ и поняла, как мы ее исковеркали.

Летним утром 1948 года я подарила своему мужу Сергею Львовичу первенца — дочку. На второй или третий день муж не смог до закрытия приема передать мне записку и передачку, и, когда спустился с рудника, расположенного высоко в

горах за Норильском (взрывал там заряды оксидквита), дверь роддома была уже закрыта. Сережа легонько без всякой надежды на отклик постучал. К его радости дверь отворилась, и он увидел смуглолицего человека, казаха или киргиза, который вежливо и доброжелательно его выслушал и взял передачу.

Мой муж не нашел ничего более подходящего, чем принести новоиспеченной матери том Шекспира. Вместе с запиской и еще чем-то съестным и передал мне этот том вежливый смуглый юноша в белоснежном халате и такой же шапочке, из-под которой выбивались черные слегка вьющиеся волосы. Он спросил меня, будет ли ответ, и я написала несколько слов, он взял листок и отнес его посетителю. А вечером, когда соседки по палате уже спали, он на цыпочках подошел к моему изголовью и сказал:

— Извините, пожалуйста, вам принесли Шекспира. Если вы не будете ночью читать, то, может быть, дадите мне эту книгу до утра?

Несколько суток мы читали драмы Шекспира по очереди: я — днем, он — ночью.

Юноша этот был быстр, ловок, буквально летал по лестницам, коридорам и палатам и со всеми был необычайно доброжелателен, общение с ним доставляло радость обитательницам роддома. Женщины называли его Юрок (в большинстве там находились бывшие лагерницы, а в лагере молодых людей нерусских национальностей принято было называть: Юрок). Он был любознателен, интересовался судьбой лежащих здесь женщин, всем старался угодить, помочь, сделать приятное. Мне сказали, что он заключенный. Но на типичного лагерного работягу он мало походил. Вскоре кто-то объяснил мне, что это калмык, зовут его Давид Кугультинов, он поэт, еще до войны был принят в Союз писателей. А в Норильск попал с фронта. Кто-то — добрый человек — вытащил его с общих работ и устроил дневальным, а потом вахтером в роддом. И тут вспомнила я тот эпизод с «Кучумитиновым».

Позднее мне рассказывали, что Давид Кугультинов то ли до освобождения, то ли после работал на одной из баз Норильскснаба.

Встречая Давида в «Заполярной правде» на занятиях литобъединения, я вспоминала первое знакомство с этим человеком. Он стал к тому времени представительным, неторопливым, годы брали свое. Брало свое и время. Кугультинов теперь высоко нес красивую голову, одет был в добротный хорошо сидящий костюм. Не знаю, был ли он к тому времени реабилитирован или это еще предстояло. Меня он не узнал, либо не показал виду, и я не стала напоминать ему о Шекспире. А стихи его, которые читали на литобъединении, мне нравились. Только потом, когда всесоюзная слава пришла к этому человеку, когда его произведения стали печататься в центральной прессе, я, как, наверно, и многие, по-настоящему оценила их. И по сей день читаю и слушаю строчки Кугультинова с большим чувством.

Сергей Львович лет десять после нашего выезда из Норильска (а Кугультинов выехал раньше) переписывался с ним, напечатал о его творчестве много статей в газетах. На полках в нашей квартире стоят сборники стихов с дружескими автографами поэта.

На днях пришел ноябрьский номер журнала «Знамя» за 1988 год. В подборке стихов ветерана Норильлага Марата Картманова мы прочли небольшое стихотворение «Поэт», посвященное Д. Кугультинову:

Туда, где товары и гири,
пришел он сегодня чуть свет:
поэт не бряцает на лире —
заведует складом поэт.
Но здесь, где рогожи и бочки,
он чувствует, что песня жива!
Что делать? Приходить строчки?
Как мясо, морозить слова?
Трубить в самоварные трубы?
Иль склад заперев на замок,
жалеть, что когда-то на губы
замка он повесить не смог?

Под стихотворением значится: Норильск, 1955».

Так вспоминала Нина Балужева.

А творчество Кугультинова год от года зрело, становилось значительнее. У поэта, перенесшего столько страданий, всё

отчетливее вырисовывалось неприятие тоталитаризма как явления античеловеческого.

Перешагнув жестокости предел,
решил Чингис украсить общий жребий:
он улыбаться подданным велел
весь день, пока сияет солнце в небе.
А кто дерзнет на жалобы и плач,
Тому отрубит голову палач.
И улыбался весь Чингисов край.
И деспот убеждал молву людскую,
что создал в ханстве образцовый рай (...)
А люди ждали сумерек, тоскуя,
чтоб в степь уйти, ничком в траву упасть
и в одиночку выплакаться влать.

Такое мог написать лишь человек, сам переживший «образцовый рай», созданный современным Чингисом в крупном «ханстве» XX столетия.

Биография поэта-калмыка слилась с далеким от его родины северным городом Норильском. В каждом сборнике стихов первых лет послевоенной эры находим мы строки, посвященные «этому удивительному и прекрасному городу», который, по словам Кугультинова, он любит «странною любовью».

Тридцать пятый день своего рождения Давид провел именно здесь, в суровом Заполярье. Вот как запечатлел он эту дату.

Метель уже не воеет и не плачет,
и ясен свод над головою дня.
Тринадцатое марта — это значит,
что день рожденья нынче у меня.
На лбу легли морщины, как на поле
рядком ложатся борозды весной.
Мне тридцать пять исполнилось. Давно ли
осталась где-то юность за спиной?
Давно ли, с ней в неравном поединке,
победу одержавшие года
оставить на висках моих сединки
сумели без особого труда?
Не любит ждать продевший ногу в стремя.

И вот друзья, со мною заодно,
благословляя мчащееся время,
спешат разлить веселое вино.
«Столетия желаем!» — и со звоном
ударили стаканами в стакан.
Мы пьем вино, а за стеклом оконным
вздыхает Ледовитый океан (...)
И Родина мне счастья пожелала,
всех сыновей собрав в одну семью.
«Живи!»,— сказала, «Радуйся!»,— сказала,
погладив нежно голову мою.

То был 1957 год. Шестнадцать лет протекло после начала войны, двенадцать — после того, как бросили Кугультинова в ГУЛАГ, и три года на свободе. И уже объявлена реабилитация (в 1956-м). Начало вновь возвращенной жизни ему, певцу Калмыкии, и самому калмыцкому народу, лишенному в лихолетьях великой войны национальной автономии, изгнанному со своей древней земли и подвергнутому, как мы теперь говорим, репрессиям по политическим мотивам. Было выселено в Сибирь и Среднюю Азию множество калмыков, немало погибло в ссылке, в тюрьмах, в лагерных застенках.

Давиду повезло, он остался жив. Как будто судьба щадила поэта, чтобы было кому воспеть новую Калмыкию, ее страдания и возрождение. В 1957 году национальная автономия калмыков была восстановлена, уцелевшие вернулись в родные земли. Морщины на лбу, седина на висках и рубцы на сердце, но день рождения — в расцвете сил и в кругу родных и близких. Какое счастье! Стихотворение наполнено весенним теплом и светом, хотя и вздыхает за окном Ледовитый океан. Времена изменились к лучшему, о мрачном лучше не вспоминать.

Нет, помнить о прошлом надо. И несколько лет спустя, расставшись с Норильском и живя в милой сердцу Элисте, калмыцкий поэт создает всё новые и новые стихи о городе на Крайнем сибирском севере, ставшем для него как бы второй родиной.

...Он объявил, волнуясь, что билет
возьмет он не туда, где прелесть юга
вступила в благодатный свой расцвет,—

в Норильск летит он, где бушует вьюга,
где ждет его подруга трудных лет,
его желанная подруга.

О Норильске написано множество стихов разными людьми, разными поэтами. Чаще всего это стихи, навеянные экзотикой Севера, помноженной на партийную пропаганду, необычностью облика города и промышленного гиганта, созданного советскими людьми на шестьдесят девятой параллели земного шара, стихи о героике их труда. Но сколько десятилетий замалчивалась тема, связанная с начальными годами таймырского богатыря, драматическими судьбами его первых строителей — заключенных! Давид Кугультинов, испытавший эту долю, одним из первых осмелился раскрывать запретную тему, сперва как бы подспудно, не обозначая всей глубины и трагизма. Он бы и во весь голос возгласил, да кто опубликовал бы? Даже когда тирана не стало и культ его был развенчан, всей правды строй не позволял высказать. И тиражировались осторожные стихи с сохранением главного пафоса — пафоса героизма (не дай бог ошибиться, в пафос трагизма удариться!).

Кугультинов писал:

Те дни, когда я был здоров и молод,
Ты отнял у меня, унес, унес,
Норильск, Норильск, — неповторимый город!
Меня во сне сжигает твой мороз,
и до сих пор огнем былых обид
меня сиянье Севера слепит.
Тебя, где слиты молодость и стужа,
люблю, — но как люблю? Я знал семью,
где не было любви жены и мужа,
но оба обожали дочь свою.
Норильск, Норильск, скажи мне, почему
навек ты дорог сердцу моему?

Эта сдержанность полунамеков, эта невозможность заметить, хотя бы порой, имя Норильск более точным и объемным: Норильлаг — еще долго отличала и стихи и прозу тех, кто отваживался их творить.

Еще долгие годы после того, как жертвы политических репрессий получили реабилитацию, об их страданиях и о миллионах погибших власть не позволяла говорить в полный голос. Даже после ее краха ожесточенное сопротивление наследников Сталина раскрытию всей правды приносило свои плоды: кровоточащая тема небывалых репрессий прикрывалась и притушевывалась, лишая возможности ознакомления народа с подлинной историей страны. Особенно тягостно сказывалось это на воспитании молодого поколения. Борьба двух тенденций развития человечества — гуманной, демократической и тоталитарной, военно-милитаристской — не прекращалась. Продолжается и по сей день и, судя по всему, долго еще будет омрачать небосвод жизни.

Пытаясь эзоповым языком ответить на вопрос, чем дорог ему Норильск, Давид Кугультинов в годы недомолвок и иносказаний, продолжая образный строй стихов, посвященных опасной теме, высказал обнаженно-горькую мысль:

Глубокой ночью свершено насилие —
жестокое, безжалостное, злое.
Но кто сказал: зачатие — результат любви?
Ему и в ненависти быть возможно!
Норильск — насилия плод.
Но как же матери он дорог!

Норильск — насилия плод! Вот она, истина, высказанная в стихах о нем впервые! Повивальная бабка истории и тут работала на славу. Всеми миру теперь известно — да не забыть бы впредь! — уникальное людское поселение на земле, вовсе не приспособленной для жизни, возводили не только те, кто погрузился в снега и метели Таймыра по зову сердца и Коммунистической партии, в поисках романтики либо денег. История Норильска хранит анналы глубочайших житейских драм и трагедий. Краеугольные камни в величественное здание закладывали не только энтузиасты, но и люди, познавшие горечь жизненных крушений, разочарований и отчаяния. Кому-то из этих несчастных построенный ими исполин вернул веру в светлые идеалы, в живительность творческого труда; кого-то лишил всякого оптимизма. И об этом тоже — норильские стихи Кугультинова.

Оттепель, пришедшая на советскую землю после смерти Сталина, принесла, по словам Кугультинова, «волну добра и света» многим гражданам, надежду на укрепление людского счастья в целом. Естественно, и в его личную биографию. После реабилитации поэта восстанавливают в Союзе писателей, зачисляют в Литературный институт им. Горького (окончил в 1960, затем высшие литературные курсы и аспирантуру). Выходит сборник стихов «Жизнь и размышления» (1963–1964 гг.). Стихи Давида стали публиковаться в газетах и журналах СССР подборка за подборкой: в «Литературной России», «Литературной газете», «Новом мире», «Дружбе народов», «Доне», «Волге». Там и тут светила читателям добрая улыбка калмыцкого поэта с его портретов.

В 1964 году Кугультинова избрали руководителем Союза калмыцких советских писателей.

Вслед за норильскими стихами еще одной — и более художественно-обобщенной! — формой эзопова языка в раскрытии темы тоталитаризма избрал Кугультинов близкие ему мотивы народного фольклора, калмыцкие сказки.

Национальный колорит родины отчетливо ощущался в стихах Давида с ранних пор. Орел, прыгнувший в небо и одиноко витающий в нем; нога всадника, протетая в стремя; морщины на человеческом лбу, как борозды на поле, — такие образы могли возникнуть лишь у поэта, рожденного в краю гор и степей, земледельцев и кочевников.

Поэма-сказка «Повелитель Время» — одно из значительных произведений Кугультинова — была опубликована в журнале «Дружба народов» в конце 1968 года.

Рассказ начинается с того, что степь вдруг обезлюдела. В панике бежали калмыки от какой-то беды, гонимые ужасным страхом. Цитирую вдохновенные строки поэмы в великолепном переводе Юлии Нейман.

Без поводьев, без узды,
без плетеного хлыста
мчится черный конь беды,
мчится весть из уст в уста.
Сквозь дырявую кошму
пробрался в кибитки страх

и, как свойственно ему,
гнезда вьет в людских сердцах.

Что случилось? Рассказчик по закону занимательности долго держит читателя в неведении, эмоционально подогревая его интерес:

Значит, враг напал врасплох?
А быть может, это — бог?!
Может, он смотрел на нас,
видит: мир в грехе погряз,
каждый третий — лжец иль вор,
и разгневался творец,
и наслал на землю мор,
чтоб живым пришел конец.

Народом правит великий хан Хамбал. Он могуч, всесилен, калмыки верят ему. Где же он? Где его богатыри? Где ламы, «сотни сытых лам, что взирают свысока на калмыка-бедняка?».

Постепенно автор раскрывает причину паники.

Распалая хана страсть.
Имя этой страсти — «власть».
Свой народ скрутил, связал
прочной нитью хан Хамбал.
Он держал ее в руках.
Имя этой нити — «страх».

В повествовании без труда узнается образ другого хана, имя которого слишком хорошо известно было всему миру в годы, когда создавалась поэма-сказка.

Возражений не слышав, —
кто посмел бы спорить с ним! —
хан Хамбал всегда был прав,
прозорлив, непогрешим (...)
Помня это, хан Хамбал
редко-редко раскрывал
уважаемый свой рот,
чтоб трепещущий народ
как жемчужины берег
те слова, что он изрек.

Хамбал казнит подданных без пощады. Хану кругом мерещатся враги, измена.

Установлена вина —
палачу ведро вина.
Не доказана вина —
палачу тогда хана!
А подсудного казнят,
виноват — не виноват.

Первый помощник хана — великий визирь Хаджи-ной-он. Не то чтобы Хамбал так уж доверяет ему, но у Хаджи есть свойство, позволяющее ему поддерживать и укреплять власть хана, наращивая его богатство.

Усмехнется он хоть раз —
с губ его слетит алмаз!
Чуть зубов покажет ряд —
и жемчужин крупных град
звонко сыплется в мешок:
сто жемчужин за смешок!

У Хаджи свои верные помощники — соплеменники Пощечник, Щекотун и Думатель. Вот так и царствовал великий хан, опираясь на сатрапов. И тут происходит ЧП: изменила Хаджи молодая жена с верблюжатником. В ответ на просьбу назначить ей самую жестокую казнь коварный правитель созывает свой большой хурал — пусть вельможи, насладившись позором великого нойона, определят, что делать с изменщицей. Но во время увлекательного представления выясняется, что самого мудрейшего постигла та же участь: предала его юная красавица-ханша («первая леди» государства, говоря теперешним языком). Разъяренный властитель предлагает хуралу издать закон об уничтожении всех женщин. И вельможи, не смея возразить, штампуют ужасное постановление.

Кто вспоминал свою жену,
кто мать, сестру и дочку.
Но ханский глаз, хоть хан замолк,
сверлил их всех, пиявя.

В уме кружилось: «Высший долг!»
«Быть мягким я не вправе».

Войскам и палачам приказано немедленно исполнить указ. Однако наступил предел всесилию владыки. Все ринулись в бег. Опустела земля калмыцкая.

Дальше сказка поворачивается так, что хан и великий ви-зирь предстают перед судом Женщины-Матери и высшего властелина мира — старца Времени. На этом Страшном суде проходят нескончаемой чередой вызванные из небытия тени загубленных Хамбалом жертв.

Шли они безмолвно по дороге,
кости шли, обтянутые кожей,
что с землей растресканною схожа,
шли, сгибаясь, высохшие ноги,
шли глаза такой кричащей муки,
что еще не видана на свете.
Старцы шли, и женщины, и дети.
Точно змей вился тысячерукий (...)
И промолвил старец светолицый:
Как вода стекается в низины,
реки крови, пролитой безвинно,
рано ль, поздно ль — захлестнут убийцу.

Вот тут уж высказал поэт, прошедший Норильлаг, всю правду полной мерой, без умолчаний и недомолвок. Хоть и опять же эзоповым языком, «не называя фамилий», но со всем гневом, достойным преступления. В финале автор высказывает свое понимание возмездия, свою философию человеческих отношений. Властелин Время предоставляет Матери изречь приговор злодеям. Она говорит:

О, как мне трудно это предлагать!
Убийцы ненавистны мне. Я — Мать.
В моих ушах — надрывные рыданья
младенцев, обреченных на закланье,
и всех, кто их, злодеев, проклинал.
Но... Да не будет он казнен, Хамбал!
Не надо крови! Даже как возмездье.
Прошу тебя: Хаджи с Хамбалом вместе,
всего лишив, сменив обличье их,

оставь — о, Время мудрое! — в живых.
Раскаянью и тягостным заботам
пусть предадутся в облике другом,
пусть добывают хлеб своим трудом,
краюху горьким орошая потом.

Высший властелин превращает Хамбала в быка, а Хаджи — в верблюда. Радостная весть о свободе от гнета разносится по степи, калмыки возвращаются в свои жилища. Таково содержание поэмы-сказки.

В одном из своих печатных выступлений («Литературная Россия» 13 июня 1969 г.) Кугультинов утверждал: «Наряду с развитием, прогрессом добра и справедливости не умирает, но как-то тоже развивается зло. Мы понимаем: наш век труден, он нуждается в мудрости, как, может быть, никакой другой».

Вопрос о противоборстве добра и зла выходит на авансцену жизни. Все века нуждались в мудрости как в противоядии ненависти и насилию. Но чем выше восходит человек по лестнице технического прогресса, тем больше потребность в глубоком познании окружающего, понимании целей поступков и путей развития мира и отдельного индивидуума.

Высокую оценку «Повелителя Времени» дали талантливые поэты Василий Федоров («Литературная Россия» 5 декабря 1969 г.) и Николай Ушаков. Он высказался так: «Кугультинов написал поэму в совершенно народном духе. Поэма читается со все возрастающим интересом (...) В поэме-сказке Кугультинова тот мир, которого не увидишь в сказках Перро, Андерсена и других сказочников».

Здесь самое время сказать о пушкинских мотивах в творчестве Кугультинова. Они звучат весьма заметно и больше всего — в использовании им фольклора, народных сказок. «Повелитель Времени», «Сар-Герел», «Песнь чудесной птицы», «Грустная повесть» и другие поэмы-сказки Давида — это тот путь, которым следовал молодой Пушкин, обогативший русское и мировое искусство красотой и высоким содержанием мудрых сказаний, накопленных тысячелетиями. Эти сказания бессмертны, и кугультиновские сказочные эпопеи будут украшением и драматургии, и оперы, и балета и симфонической музыки так же, как пушкинские шедевры.

«Точная трасса»

Уже оправданный от былых обвинений, Кугультинов написал строчки (они на русском были опубликованы в 1958 г. в сборнике «Поэты Калмыкии»):

Мой путь через Москву по карте мчится.
Задумчиво, как на мечту извечную,
гляжу на твой кружок, моя столица,
на красную звезду пятиконечную.
И взор мой трассу точную находит
к родному краю, заново цветущему.
И верю я: через Москву проходит
дорога человечества к грядущему.

(Пер. Семена Липкина.)

В устах поэта-калмыка это звучало как признание не-расторжимых уз, скрепляющих его народ с народом русским, Советскую Россию и социалистическую Калмыкию. Но не только это было выражено в строках о точной трассе. В пятиконечной звезде, обозначающей на карте мира столицу СССР, поэт видел те врата, через которые все человечество неизбежно проложит свой путь в грядущее.

Строясь на такой идейно-художественной основе, творчество Давида Кугультинова являло весьма цельный пример развития калмыцкой поэзии. В его стихах, как и в произведениях иных представителей многонациональной советской художественной литературы (Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, Алима Кешокова, Чингиза Айтматова, Василя Быкова), наряду с сохранностью национальных мотивов виделось плодотворное слияние калмыцкой культуры, фольклора древних степей с культурой, фольклором русского народа. Это поднимало национальную поэзию калмыков до общечеловеческих высот. Органичный сплав калмыцких мотивов, национальной

окраски с текущим днем эпохи можно найти почти в каждом произведении Кугультинова.

Легко различить в его песнопениях несколько важнейших тем. Тема патриотизма, Родины (Россия — Калмыкия), дружбы народов сливается с темой героической. Тема труда, жажда творческой, общественно-полезной деятельности сплавляется с темой любовно-лирической.

Первая из названных тем звучит в самых разнообразных произведениях — от поэмы «Моабитский узник», от таких стихов, как «О, где вы, Джангар и Хонгор?», «Голос Москвы», «Точная трасса», «Радость», «Золотая земная звезда», — до «Поэмы о танце Ситары Дэви», «Китайских яблок» и «Алмазов Африки».

Поэма «Моабитский узник», написанная в пору восхождения посмертной славы героя-поэта Мусы Джалиля и посвященная ему, приобрела известность в литературных кругах и у многих читателей. Главное действующее лицо (Темир) близко Кугультинову и по чертам национальным, и по революционной романтике, и по фронтовой, а затем лагерной и тюремной судьбе. Ненависть к фашизму выражена в произведении в полный накал — с позиций как общечеловеческого, так и революционного и патриотического романтизма.

Герой поэмы Темир представлен в последние месяцы жизни, перед казнью. Подпольная его деятельность в гитлеровских лагерях непосредственно в сюжет не включена, о ней лишь рассказывается. Кугультинов поставил перед собой задачу — показать завершение героического характера в самых безнадежных условиях. Сюжетно поэма построена так, что завершение характера отражается на человеке, делящем с узником конечные дни и часы (латышский ученый Густайнис).

Официальные советские литературоведы дали поэме самую высокую оценку. «По образности языка, по силе художественного обобщения, — говорится в Краткой литературной энциклопедии СССР (статья «Калмыцкая литература»), — это одно из лучших произведений калмыцкой советской поэзии».

Поэма заканчивается призывом:

На войне, в лагерях, в темницах
потерявший лучших сынов,
будь за правду стоять готов,

мир! Ревниво, люди, храните,
как единственное дитя,
вы согласье. И в Моабите
стоны, рвавшие, летя
вдаль сквозь рев свирепых орудий,
никогда не забудьте, люди!

(Пер. Д. Бродского.)

Героическая тема защиты Родины, борьбы за ее свободу и целостность, органически соединяющаяся в поэме с темой борьбы за мир, который в состоянии принести счастье всем людям,— эта коронная тема Кугультинова сохраняет значение «Моабитского узника» и в наши дни и еще долго-долго будет актуальной. Она пронизывает большинство произведений поэта.

В стихотворении «Рады родители» при взгляде на беззаботно играющего ребенка «шепчет заботливый разум: «Если бы не было в мире войны!» (Пер. И. Френкеля.)

В те годы, когда создавались названные произведения, тема борьбы за мир в политике и культуре Советского Союза официально главенствовала, настойчиво диктовалась правящей партией и государством. Кто из советских поэтов и писателей, живописцев, композиторов, ваятелей не обращался к ней? И не только по обязанности, по политической необходимости, но и по истинному велению сердца. Другое дело, как претворялось это в творчество, да и вообще в жизнь, в действия правительства и каждого человека. Давид Кугультинов, несомненно, был в первых рядах тех, кто с полной искренностью и с выстраданной убежденностью воспевал борьбу за мир, ее необходимость и святость. Он не расставался с этой темой и потом, наполняя ее новым содержанием в новых исторических условиях.

С темой борьбы за мир естественно смыкалась тема дружбы народов. Четко и высоко поэтично раскрыл ее Давид в «Поэме о танце Ситары Дэви». Автор увлечен искусством индийской актрисы, приехавшей в Советский Союз, оно погружает поэта в водоворот чувств и мыслей.

Воображенья парус мой!
Не скоро я вернусь домой,

В мечтах я, словно наяву,
по Гангу плавному плыву,
пустыней знойною бреду,
дышу прохладой в саду,
лечу, великие края,
в седую вашу древность я.
Не так ли много лет назад,
три моря миновав подряд,
прийти был всей душою рад
сюда, как друг, как добрый брат,
Никитин, славный наш мудрец,
землепроходец и купец?
Великой северной страны
послом он чувствовал себя,
и, как Россию, мир любя,
привез не кнут, не меч войны,
а кладь, которой нет цены,
с чем не сравним жар-птицы свет,—
России пламенный привет.

(Пер. В. Щепотева.)

В этом патетическом воспевании единения двух великих народов, отделенных большими расстояниями, благотворно раскрывается даль дружеского общения как основы мира.

Не сразу достигли произведения Кугультинова высот совершенства. Встречались на их потоке и мели, когда ладья мысли царапала по дну поэтического русла. И вихревые течения, порой относившие ее от взятого курса. Были растянутости и незначительность, вялость концовок, когда последняя строка стихотворения не являлась единственно точным и полным итогом мысли и образа («В Норильске, где холод и вьюга»). Вкрадывалась и банальность мысли, положенной в основу стихотворения («Девушке-фотокорреспонденту», «В ожидании самолета»).

Но видно было главное: поэт много и упорно работает. Обилие новых стихов не загромождало его арсенал. Каждая очередная подборка, появлявшаяся в печати, свидетельствовала об этом.

Русский читатель получал стихи Кугультинова в переводах, которые не были равноценны. Но важно, что творчество

калмыцкого поэта сразу попало в поле зрения лучших переводчиков. Свыше двух десятков поэтов доводили до россиян и жителей республик поэзию Давида. Возглавляли процесс мастера высшего класса: Михаил Светлов, Владимир Луговской, Новелла Матвеева. Широкою известность получили переводы, созданные Семеном Липкиным, Юлией Нейман, Яковом Козловским, Ильей Френкелем, Юлием Даниэлем, Александром Николаевым, Александром Голембой, Эдмундом Йодковским. М. Шехтер, В. Стрелкова, А. Долинский, П. Карп, Ю. Вронский, К. Алтайский, В. Гнеушев вложили немало труда и искусства, чтобы передать русскому и всесоюзному читателю поэзию талантливого калмыка.

О труде своих переводчиков с глубоким уважением и благодарностью говорил Давид Никитович, выступая на Третьем съезде российских писателей.

Насколько труд этот важен, хочется пояснить на двух примерах.

Вот отрывок из «Поэмы о танце Ситары Дэви», переведенный на русский В. Щепотевым (сборник «Поэты Калмыкии», М., 1958):

Сбегают черный шелк волос
ручьями длинных тяжких кос,
и сармы дорогой черней
два полукружия бровей (...)
Подобны тонким камышам,
растущим густо у озер,
ее ресницы: и лучам
подобны в светлых небесах
рубины в маленьких ушах.
Речь Дэви потому нежна,
что в бархат губ облачена.
Как ветки молодых ракич,
манящих к милым мне местам,
упруг, танцовщица, твой стан
и, зыбься, кажется, звучит.

Наряду с яркими образами (черный шелк волос, ручьи тяжких кос, бархат губ) есть строки, не оставляющие сильного впечатления. Впрочем, наверное, такое неравенство неизбежно.

Но вот как выглядит то же самое в другом переводе — А. Голембы (сборник стихов Кугультинова «Заслужить бы друга любовь». Библиотека «Огонек», М., 1961):

...Входит в музыки извивы,
чтоб отпрянуть вновь в испуге,
и подобен стану ивы
гибкий стан ее упругий (...)
И темнеют брови гостьи,
свежий рот полуоткрыт (...)
О рассветах и закатах
нам напомнят каждый взлет,
прямо с плеч ее покатых
шелк сверкающий течет.

Различны не только ритм, не только образный строй, но даже элементарное прочтение смысла. «Черный шелк волос» упрощается до «сверкающего шелка», который можно воспринять и как обычный материал одежды. Высоко поэтическое: «речь Дэви потому нежна, что в бархат губ облачена» предстает избитым «свежий рот полуоткрыт». «Стан танцовщицы упругий, как ветки молодых раки» оказывается подобным стану ивы. И даже сама героиня восторженного гимна называется гостьей, что невольно снижает поэтический образ.

Клетки сердца не умрут

Тема Труда. Издревле он — и, прежде всего, труд творческий, освещенный огнем вдохновения — предмет поэзии. «Единая радость — работа. В полях, за станком, за столом. Работа без лишнего счета, работа до жаркого нота,— все счастье Земли за трудом!» — утверждал Валерий Брюсов.

Давиду Кугультинову удалось по-своему и весьма впечатляюще раскрыть вечную тему. Читая его стихотворение, посвященное труду, испытываешь чувство, хорошо понятное каждому, кто знаком с напряженной деятельностью ума. Автор сопоставляет труд поэта с другими видами деятельности. В стихотворении рассказывается, как поэт смотрел на работу слесаря, комбайнера, чабана, и «себя в этот миг со стыдом наблюдателем чувствовал лишним».

Но, когда за рабочим столом
за мгновение мир облетая,
я сижу над заветным стихом,
стройность формы ему придавая,
времена, пезнакомые мне,
приближая, читаю как книгу,
и беседу веду в тишине
со странною моею великой,—
и вхожу по рассветной росе
в коммунизм, словно гость непременный,
я такой же работник, как все,
я такой же хозяин вселенной.

(Пер. Э. Йодковского.)

Здесь тема труда конкретизируется в тему труда поэтического. Процесс напряженных поисков и творческих достижений изображается в стихотворении «Поэт» (переведено на русский Семеном Липкиным).

Когда в твоей груди, ища созвучия,
бушует чувство, как волна бурля,
когда в словах мятется мысль кипучая,
твои сухие губы шевеля,
и всей душою, музыкаю взвихренной,
ты ощущаешь вдохновенный жар,
и гений жизни с щедростью неслыханной
тебе приносит новый образ в дар;
когда с неистовым ты ищешь рвением
то вещество, что может запылать,
и дума стать готова откровением,
чтоб радовать людей и волновать, —
тогда бумагу, жаждущую истины,
ты напои, ты жизнь в нее вдохни,
найди эпитет и глагол единственный,
и строки напряженные замкни!

Победа достигнута, единственные глагол и эпитет найдены, звенящая строка вознесена. Возможен и период творческой депрессии: высокие достижения в поэзии нечасты. И, одолев вершины трудового процесса, стихотворец вновь вступает в полноводное русло общей темы труда, в котором достижения должны сменяться достижениями, непрерывно, вечно, принося счастье жизни. В стихотворении «Время и желание» Кугультинов размышляет о жажде труда. «Летит за годом год, и звёздны календарные дороги. Делаю людским незримый счетовод, подводит время точные итоги». Минута за минутой, день за днем, год за годом время мчится, унося с собой возможности отдельного индивидуума. С болью душевной смотрит поэт на неумолимые часовые стрелки.

Звучит «тик-так» порою, как укор;
уж лучше б строки превратились в шпоры!
Как мало совершил я до сих пор,
а предо мной задуманного — горы.

Где выход? Как поступить, чтобы свершилось всё задуманное? И поэт приходит к тем дверям, через которые пролегал путь каждого великого труженика. Он заканчивает стихотворение мажорным возгласом: «стал отдых мой короче!»

Жизнь человеческая — не бездеятельность, не отдых, а труд во имя творчества.

Я верю: клетки сердца не умрут,
они при жизни переходят в труд (...)
У всех, кто труд свой полюбить сумел,—
по капле, понемногу, по крупице,—
в дела земные сердце воплотится,
останется в живом бессмертье дел (...)
И лишь пустое сердце, черным комом
упав, истлеет, станет невесомым.

Важное место в поэзии Давида Кугультинова занимает лирико-любовная тема. Такие его творения, как «Рождение любви», «Утомленный, недовольный...», «Разве могут жить поэты, сердца словом не касаясь?», «Ты в глаза мне, как в зеркало, долго смотрела» («Некрасивые мысли, моя дорогая, недостойны лица твоего!»), наполнены глубоким чувством, добрым видением отношений мужчины и женщины.

Не может истинный поэт избежать творческого лицемерия природы. Стихи Кугультинова «На поле», «Весна», «Солнце», «Рассвет на Ай-Петри», «На берегу Черного моря» пленяют проникновением в красоту мира, нашей планеты.

Перелистывая стихи Кугультинова, много можно привести примеров того, что принято называть находками в поэзии. «Сбегает черный шелк волос ручьями длинных тяжких кос»; «лоб твой в морщинах глубоких: клинопись бед и побед»... Некоторые находки были отмечены в свое время такими мастерами поэтического слова, как Самуил Маршак, Михаил Светлов (он восторженно откликнулся в «Литературной газете» на выход одного из первых послевоенных сборников Кугультинова — «Глазами сердца». Особенно пленило его стихотворение, где «сгущенное время течет»).

Но главное достоинство стихов калмыцкого поэта не в находках, погоня за которыми становится подчас самоцелью иных, даже талантливых, стихотворцев. Крупнейшие произведения мировой поэзии не на находках держатся. Увлеченные главным, основным содержанием таких произведений, мы не фиксируем внимания на их отдельных элементах. Как, пораженные красотой женщины, мало заботимся о том, чтобы оценивать ее наряд, каким бы замечательным он ни был. В стихах покоряют, прежде всего, мысль и чувство. Именно с

этим, щедро розданным, встречаемся мы, читая Кугультинова. Привлекает трепет мысли, облеченной в тогу поэзии.

«Вам всё простится, кроме превосходства
ума (...) Так прячьте разум!» — произнес
философ, хоть с улыбкой, но всерьез (...)
О, этой мысли горькое уродство! (...)
Нет, сделав скидку на судьбу и время,
я все же возмущен словами теми (...)
Как?! Прятать ум, которым жизнь крепка?!
Да разве не уму я благодарен
за то, что в космос поднялся Гагарин,
что в нашем небе ходят облака,
а не виденья стран, сожженных разом?
Нет, люди, нет! Не смейте прятать разум!

В стихотворении этом, перекликающемся с пушкинским гимном Разуму, есть важная строчка, указывающая его временные координаты. «Виденья стран, сожженных разом» не могли родиться ни у Пушкина, ни у Шекспира. То знак двадцатого столетия. Именно после Хиросимы и Нагасаки почувствовали мыслящие люди всех стран чудовищную противестественность военных способов разрешения конфликтов. Человеческий исход из них диктуется Разумом. Разум должен победить и тьму отчаяния, и мрак невежества, и лавину ненависти остановить, победить страх и недоверие между людьми.

Не прячьте Разум, люди, но и не отсоединяйте его от доброты!

Думаю, неправильно было бы замолчать одну важную, весьма спорную тему в творчестве Кугультинова.

Поэт прочно стоит на выстраданной им точке: дело Ленина — единственно правильный путь в будущее людское. Точная трасса Москва — Элиста избрана поэтом вполне сознательно. Образ Ленина венчает ранние песни Кугультинова о дружбе русских и калмыков, о братстве всех народов.

Ты часто ль вспоминаешь имя Ленина?
Оно — как родина и отчий дом:
мы в нем живем, не говоря о нем.
Когда ж беда нагрянет, не стучась,

и правды свет в твоих глазах затмится,
и трудно днем, и по ночам не спится,
«Как не хватает Ленина сейчас!» —
твердишь, тоскуя. Так в краю чужом
изгнанник, вспоминал я отчий дом.

Несомненно, эти строки отражают свое время.

Образ Ленина сопровождал поэта, перенесшего со своим народом превратности судьбы и горчайшие испытания, в исканиях его мысли, в раздумьях о прошлом, настоящем и будущем. То было время, когда эти искания поглощали многих и многих. «Лениниана Давида Кугультинова — большое поэтическое событие», — оценивал литературный критик Н. Сергованцев такие поиски.

Под знаменем Ленина калмыки возродились как народ к новой жизни. Под тем же знаменем вернуло им советское правительство права, отнятые в годы Великой Отечественной войны. Это вдохновило поэта.

Непобедимо Ленина ученье!
Двадцатый съезд как благодатный дождь
принес земле и людям очищенье
и новый взлет родной моей страны,
высокую волну добра и света.

Сейчас, в первом десятилетии XXI века, эти строки кажутся наивными — слишком много узнали люди об учении Ленина! Но тогда, пятьдесят лет назад, стихи калмыцкого поэта, появившиеся в центральной прессе, встретили благожелательные отклики лучших мастеров. Высоко оценили творчество поэта Михаил Светлов и Самуил Маршак. Людмила Татьяничева в рецензии «Чувство будущего», опубликованной в газете «Правда» 15 октября 1965 года, писала о стихах Кугультинова: «...завершенность формы сочетается в них с горячим бурлением жизни, богатством мыслей и чувств. В каждой строке бьется пульс нашего времени. Поэт многое видел, многое пережил: и шквал боев, и боль утрат (...) Его вера в жизнь, в людей, в будущее пронесена через большие испытания и поэтому нерушима. Через всю книгу (...) проходит тема ответственности перед Родиной и народом, тема интернационализма и человеческого достоинства. Поэзия Давида Кугультинова достигла зре-

лого мастерства. Она мужественна и правдива, светла и сурова. Она помогает понять красоту нашей жизни, красоту родной земли, наполняет чувством завтрашнего дня».

В этой оценке, принадлежащей своему времени, перемешаны ноты подлинного искусства и штрихи обязательных тогда догм. Такова была официальная формула. Но времена меняются, а значение истинно-художественных ценностей остается и даже высвечивается еще ярче. Имя Давида Кугультинова прочно утвердилось в ряду лучших поэтов, представляющих национальности Советского Союза: Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Чингиза Айтматова, Василя Быкова, Эдуарда Межелайтиса. С их взлетами, мудростью и наивностью.

В стихах и поэмах Кугультинова разрабатывались национальные калмыцкие темы, звучали мотивы родных степей, фольклора и народного эпоса, новь возрожденной жизни нации. Каждый сборник, каждая очередная поэма свидетельствовали о художественном росте автора.

Вот что писал мне тогда Давид:

Здравствуй, дорогой Сергей!

Вернувшись из отпуска, я обнаружил рецензию в «Заплярной правде». Большое спасибо. Вижу, что читаешь всё. Эта рецензия мне особо дорога. Дело в том, что люблю Норильск странною любовью. Когда сводят двух людей, мужчину и женщину, заставляют жить без любви, всё равно у них рождаются дети, и родители любят их. Вот такова, примерно, моя любовь к этому удивительному и прекрасному городу.

В будущем году в Гослитиздате в серии «Библиотека советской поэзии» выйдет книга моих стихов и поэм. Это будет моя лучшая книга. Она выйдет в январе. Сейчас находится в производстве.

Пока посылаю свою последнюю книгу «Равные солнцу». В продажу книга поступила в феврале нынешнего года, хотя и значится год 63.

На днях получил перевод большой романтической философской поэмы (определение жанра С.Я. Маршака — я ему читал подстрочный перевод) «Сар-Герел». В ней около двух тысяч строк. Вероятно, будет напечатана в начале года или в «Новом мире» или (почти наверное) в «Дружбе народов».

Работаю председателем Правления союза писателей нашей республики.

Между прочим, здесь работает Г. Деменчук.

Прости, что написал так сумбурно. Много накопилось почты, и надо отвечать на письма.

С приветом и пожеланием всего лучшего.

Давид.

30. IX-64 г.

Поэму «Сар-Герел» опубликовали в 1965 году два журнала: «Дружба народов» и «Новый мир».

К концу 1965 года на творческом счету Кугультинова значился десяток стихотворных сборников, было несколько поэм. Некоторые: «Моабитский узник» (1958–1965), «Равные солнцу» (1960–1964), «Живая вода» (1960–1963), «Золотое сердце» (1961), «Песнь чудесной птицы» (1961–1962) вызвали многочисленные отклики. Каждая поэма стоила ему нескольких лет упорного труда.

В поэмах «Живая вода», «Курдючная овца» поэт увековечил быт калмыков того времени. Стихотворная повесть «Директор» — апофеоз социалистического сельского хозяйства, руководящей роли Коммунистической партии. Герой повести — тамбовский мужик, фронтовик Великой Отечественной войны, Федор Чаднов — по велению партийных руководителей и собственного сердца создает совхоз на Сахалине, становится директором, борется со спекулянтами. Эти люди не останавливаются перед тем, чтобы ради собственной выгоды, личного обогащения убить каждого, кто становится у них на пути.

Мыслью о взаимоотношении эгоистов, живущих только ради собственных интересов, проникнута поэма «Град в Венеции». Контраст между великолепными созданиями искусства и человеческой черствостью ранит сердце поэта:

Город Венеция! Чудом искусства
ты удивляла мир неспроста.
Но для чего — скажи! — Красота,
если она не смягчает чувства?!
Лишь для забавы — резец и кисть
там, где единственный бог — корысть.

Душа и сердце поэта принадлежат социалистическому строю, основанному на лучших идеалах человечества. Он искренно верит, что этот строй — начало всемирного братства, жидущегося не на корысти, а на единении людей ради всеобщего блага. Когда герой поэмы — советский турист — слышит вдруг гимн «Интернационал», — сердце его возрадовалось от ощущения светлого, обнадеживающего. Поэма принадлежит времени, когда большинство советских граждан свято верило в победу социализма, в неизбежность коммунистического общества. Уверенность в том, что все трудности, все негативные явления на пути к этому — результат отклонений от правильного пути, — поддерживала эту веру.

Полная созвучность такого мировосприятия официальной программы КПСС давала простор творчеству Давида Кугультинова, и он познал вкус славы.

В 1966 году в третьем томе издававшейся тогда Краткой литературной энциклопедии СССР были напечатаны статья о калмыцком поэте и портрет. «Герой поэзии Кугультинова, — сказано в той статье, — сильный и мужественный человек, патриот (...) Главная тема философской лирики Кугультинова — тема действенного добра».

К тому времени стихи Давида были переведены не только на русский, но и на английский, французский, немецкий языки. Это был и прорыв калмыцкой поэзии на международную арену.

Лозунг борьбы за мир, ставший знаменем Советского Союза в годы хрущевской оттепели, трактовался как завет Ленина. «Точная трасса», по которой следовал калмыцкий поэт, вела его по центральной магистрали советской жизни. Все, что было за ее пределами, воспринималось как аномалии, как неизбежные издержки на дороге к новому миру на планете.

Знамя декларативной борьбы за мир, взметнувшееся в Советском Союзе в годы хрущевской «оттепели», именовалось знаменем Ленина. «Точная трасса», избранная Кугультиновым, вела его по центральной магистрали советской жизни. Были поэты и писатели, избравшие другие пути. Их судьба складывалась иначе. Она приносила им не столько успехов и признания, сколько проклятий и презрения противников. Сложнейшие, мучительные вопросы войны и мира, демокра-

ДАВИД
КУГУЛЬТИНОВ
РАВНЫЕ
СОЛНЦУ

СТИХИ И ПОЭМЫ

Перевод с калмыцкого

Сергей Игнатов

В память о Норильске,
с котельнями всех
каменщиков, у вас есть
и благодарность

Д. Кугультинов

Э.И. - 647.

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

МОСКВА 1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Дорогому

Сергею Шернову,

В память о суровом и
прекрасном Якутском,
С пожеланием доброго
здоровья и великого счастья.

Кугультинов Д.

21.12.65г.

тии и тоталитаризма, опасность всеобщего разрушения и гибели человечества выливались в величайшие исторические и философские проблемы, встававшие перед людьми. Исповедуя коммунистический догмат, Кугультинов представлял себе борьбу за мир как не имеющую ничего общего с непротивлением злу через насилие. В стихотворении об одичавших собаках, ставших врагами человека, поэт призывал:

Бейте, люди, пестрых волков!
Не бояться огня и слова
и не терпят духа людского (...)
твари, одичавшие снова,
порождение времени злого.

Аллегорическое «бейте пестрых волков!» можно было толковать как угодно, подводить под это определение любые группы людей (что и использовалось с древних времен в борьбе с врагами). Сам образный строй стихотворения, терминология принадлежали тоталитаристской идее.

Тут мы сталкиваемся с противоречием, порожденным борьбой тоталитаризма и гуманизма, дьявола и Бога, зла и добра. Противоречие диалектическое, занимающие умы людей с тех самых пор, как они начали мыслить. Буддизм, христианство и другие религии, покорившие сердца миллионов, призывают людей к любви и согласию во всем. Но как быть с теми, кто не признает любви и не стремится к согласию? Вопрос, и поныне остающийся камнем преткновения на пути к осмыслению человеческой деятельности и всей жизни.

Пусть в себя поверит человек

Сердце поэта полно любви к людям и заботы о них.

Поддержите первую удачу,
пусть в себя поверит человек.
Пусть в приливе радости горячей
ощутит себя потомком всех,
кто творил, кто сделал мир богаче.
Поддержите первую удачу!
Чтобы, гордость юную не пряча,
человек, как молодой орел,
прянул в небо и себя обрел,
путь свой во Вселенной обознача.

Но не только собственный взлет, не один личный успех — цель и содержание первой удачи. Главный смысл — общее счастье людское. Путь во Вселенной может быть к индивидуальной славе и собственному бессмертию, а может — ради блага всех живущих. Поэт призывает:

Когда к тебе в желанный год
придет заслуженно удача,
и ты легко шагнешь вперед,
в чужих глазах так много знача, —
о людях забывать не смей
и счастьем одели друзей.

Прочным сплавом калмыцкой поэзии с общечеловеческими ценностями явилась поэма Кугультинова «Песнь чудесной птицы» (1962 г.). Стремление философски осмыслить жизнь и историю человечества выражено ярко и убедительно. Тайна поэзии сконцентрирована на редкость эмоционально.

Изнывающий от безделья хан требует от подданных изгнать его скуку. Метода одна: не выполните — секир-башка!

Кто-то из жителей дарит Солнцеликому птицу и обещает: пение увлечет повелителя и освободит от скуки.

По приказу Солнцеподобного птице возводят золотой дворец, ее кормят отборной пищей. Птица грустно поглядывает и молчит.

Читаешь — и удивляешься, до чего глуп грозный владыка, по-детски наивен и доверчив. Беспрекословно следует совету своего пленника, побежденного в давнем бою и семь лет томящегося в неволе. Безропотно пускается вместе со своим двором и птицей в неизвестные края, бессмысленно претерпевает лишения и невзгоды пути. Но скука уже не мучает дурака, хотя птица по-прежнему уныло помалкивает.

Через долгое время добрались незадачливые путники до какой-то невзрачной страны болот, гнуса и песчаных холмов. И птица оживилась, запела. Оказывается, это ее страна, ее родина. И сердце читателя отзывается на счастье птицы, охватывает волнение. Притча раскрыта! Четыреста узорчатых стихотворных строк не просто сами по себе: отчетливо ясно, для чего сплетены. Тайна поэзии!

Должны люди найти выход из заколдованного круга несчастий, из лабиринта несправедливостей и насилий. Важное условие выхода — единение людское на добро, на сохранение человеческой мысли, ответственность каждого за благополучие всех, за всё, что происходит на земле. Воспитывать в людях такую миссию — задача поэта.

Когда поймешь, что ты в себя вместил
весь мир земной, весь этот мир бескрайний,
ты в этом лишь себе признайся втайне,
а от других скрывай по мере сил,
чтоб не сочли признание похвальбою,
чтоб не смеялись люди над тобою.
Но если ты в своем земном пути
в душе весь мир не ощущаешь звездный,
пока еще не поздно, — обрети,
ты обрети его! Пока не поздно!
Ведь человека человеком числят,
когда весь мир вместит он и осмыслит.

Синтез культуры русского и других народов, эрудиция автора — плод четвертьвекового поэтического труда и образования — привлекали читателя. А главный мотив:

Не убегать от стонов мира,
не отступать от зовов мира.

Эту цель Кугультинов пронесит сквозь все испытания и невзгоды, через радости и успехи. Не разрозненные находки, не декларации, громогласность которых не может скрыть того, что температура горения в ином стихе еле-еле переваливает за ноль, — в стихах Давида ощущается лучшее, что во все времена отличало настоящую поэзию от подделок. Обозначалось в них то, что приносит бессмертие подлинным поэтическим строчкам, то общечеловеческое, непреходящее, что волнует людей независимо от их национальности и социального положения, от примет эпохи и политических пристрастий.

Двустихия Кугультинова, замечательные по краткости и отточенности мысли, продолжают традиции восточных поэтов.

Сбить масло из воды не смог бы сам Всевышний.
Пустая голова — советчик никудышный.

За то, что зла не совершил, ты не проси наград,
коль ты добра не совершил на этом свете, брат.

Если в правде своей убежден, то не бойся хулы,
если в ней сомневаешься сам, то страшись похвалы.

Жизнь, если цели нету в ней, —
Телега без лихих коней.

Росту тела есть в годах граница,
рост ума — до смерти сохранится.

Калмыцкий поэт полон веры в светлые начала жизни, в победу сил добра и созидания.

Одна судьба нам, смертным, суждена:
все мы, как есть, — со славой и без славы, —
исчезнем так, как исчезают травы
по осени, оставив семена (...)
И поколения, что придут на смену,
свои пути проложат во Вселенной.
Но, заместив нас на земле, они
нас не отбросят, в прошлое отчисля:
всё лучшее, что было нам сродни,

впитают жадно их сердца и мысли (...)
Не смерть несут нам эти поколения,
но жизни нашей вечное продление.

Жизнь, ее торжество и продление — вот тема, в исследовании которой соединяются поэт-лирик и философ.

В декабре 1965 года кафедра языка и литературы Калмыцкого государственного педагогического института представила стихи Давида Кугультинова на соискание высшей награды СССР — Ленинской премии. В перечне поэтов, выдвинутых на нее, Кугультинов значился с Андреем Вознесенским, Евгением Евтушенко, Леонидом Мартыновым.

Секция поэзии и пленум Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете министров СССР после первого рассмотрения оставили стихи Кугультинова, Вознесенского и Мартынова для дальнейшего обсуждения (Евтушенко не пропустили!).

Борьба вокруг выдвинутых на Ленинскую премию 1966 года кандидатур закончилась победой тех, кому лучшие стихи Евтушенко, Вознесенского, Мартынова и Кугультинова были враждебны по духу, кто стремился затушевать, а еще лучше — вычеркнуть из памяти людей трагедию калмыков, чеченцев и ингушей, крымских татар и немцев Поволжья, да и вообще все деяния Сталина — Ягоды — Ежова — Берии, вычеркнуть и Колыму, и Соловки, и Норильск, и Воркуту, и прочее. Ленинская премия 1966 года за произведения поэзии не была присуждена ни одному автору. (Кому же было ее присудить, если не Евтушенко, Вознесенскому, Мартынову и Кугультинову?)

Настоящим писателям, даже относительно лояльным к существующей власти, даже исповедующим ленинизм, приходилось всё труднее отстаивать свои принципы. Редакторы, чуткие к колебаниям политического барометра, избегали обращаться к авторам, не кричащим «Осанну» каждому мероприятию Партии и Правительства. Эти чуткие люди, конечно же, замечали: не исчезает в стихах Кугультинова давнишняя боль. Понимали: и не может исчезнуть. Клеймо бывшего «врага народа» в их сознании оставалось. Не могли они смириться с тем, что продолжали появляться такие стихи, как

«Норильск, Норильск» или «На собрании». Каково им было читать такое:

Пришел я на собрание. Говорят
о культе личности. Один из тех,
кому досталось множество наград,
воскликнул с жаром — под всеобщий смех:
«Я тоже испытал тогда невзгоды.
Мне закатили выговор в те годы».
Один из тех, кто в тундре посидел,
кто много лет напрасно отсидел,
меж тем внимал из своего угла
оратору, чья речь легко текла,
и молча думал, сострадания полон:
«Бедняга, сколько горьких дней провел он!»

Наследники Сталина взяли реванш и старались реабилитацией своего кумира заменить реабилитацию его жертв. В стихотворении Кугультинова бывший узник ГУЛАГа, допущенный на партийное собрание, скромно сидит в углу заднего ряда, а увенчанный сталинскими орденами и медалями деятель, жировавший в годы, когда полстраны бедствовало, пытается приобщить себя к сонму мучеников сталинизма. Они, такие деятели, и дальше пошли, в открытую стали отрицать оттепельные партийные решения, мучеников ГУЛАГа все чаще и настойчивее стали называть недобитыми врагами народа. Ох, как не по нутру было наследникам Сталина читать такие стихи Кугультинова:

«Люблю его!» — сказала вслух.
И в ужасе собрание онемело.
«Он враг народа!» — буркнул бывший друг
и тотчас взгляд потупил оробелый.
Так прост и дерзок был ее ответ,
и все-таки его честнее нет.
И трудно было сердцу и уму,
давалась ей, как Галилею, смелость.
Она любила — вопреки всему,
как вопреки всему земля вертелась.

Есть пессимизм и есть оптимизм. Как и зло с добром, они не только противостоят одно другому, но и переплетаются.

Пускай над тобою тучи,—
ты вспомни: есть солнце где-то.
Пусть мучит мороз трескучий,—
ты вспомни, что где-то лето,
Мирка преступи препоны,
и мир познаешь бездонный.

Это стихотворение Кугультинова было опубликовано 13 декабря 1966 года в «Литературной России». То было время, когда во многих частях планеты насильственной смертью погибали сотни тысяч людей. Самые различные силы уничтожали их. На островах Индонезии после подавления народного восстания трупами были заполнены все реки. Американские парни убивали тысячи вьетнамцев в джунглях. В Китае по воле нового богдыхана бесновались миллионы развращенных насилием, одурманенных человеческой кровью подростков. Слепая природа как будто соревновалась с людской жестокостью. В горах Югославии, в Скопле, и на просторах Средней Азии, в Ташкенте, в Сицилии и на японских островах подземные стихии губили тысячи землян.

И поныне в постоянном круговороте бед рукотворных и природных гибнут и страдают люди. Никому из них не утешиться тем, что где-то кто-то живет счастливо. Когда сам Кугультинов мерз и голодал в недрах Норильлага, ему не легче было от сознания, что на солнечных пляжах теплых морей лежат разморенные жарой обнаженные мужчины и женщины, наслаждаясь благами жизни.

Стихотворение адресовано человеку, погруженному в пучину уныния, придавленному прессом несчастий. Поэт призывает научиться противостоять бедам, не забывая о собратях, испытывающих еще большие страдания. Таково развитие кугультиновской темы: «не убежать от стонов мира, не отступать от зовов мира».

Это не значит — уподобляться фонтану, разбрасывающему струи и брызги трескучих фраз о счастье человечества. Сам покажи, собственным примером, на что доброе и мужественное способен, яви образец стойкости.

Солнце и девушка

«Как о крупном достижении литературы Калмыкии говорилось о книге Давида Кугультинова «Я твой ровесник», вышедший в издательстве «Советский писатель» в 1966 году», — писал в «Литературной газете» в августе следующего года известный критик Евгений Осетров. Он называл этот сборник «заметным явлением всей отечественной литературы», а его автора — «одним из самых крупных советских поэтов современности». «Совершенно неизгладимое впечатление оставляет лучшее произведение сборника — поэма «Сар-Герел» (...) — вершина творчества Давида Кугультинова», — заключал литературовед.

В прологе поэмы перед читателем предстает одушевленное Солнце. Поэт наделил космический плазменный шар человеческими страстями и чувствами. «Солнцу тоже нужна частичка нежного тепла, как вам и мне. И огненное сердце не может собственным теплом согреться».

Светило влюбляется в очаровательную дочь Земли — Герел (имя ее означает свет).

Стояла девушка в одежде красной
и пела, руки смуглые подняв,
хвалу владыке, Солнцу золотому.
Ему, ему, а не кому другому
предназначалась девичья хвала.
Она звала... Она его ждала!

Герел, чей облик и самое имя так близки всеземному светилу, в избытке весеннего блаженства поет ему ласковый гимн.

— Солнце! Ты своею доброй властью
радости даруешь всем живым,

За тепло, за молодое счастье.
Солнце, мы тебя благодарим!

И светило, как в стихотворении Маяковского, по человеческому приглашению спускается на землю. Но в отличие от образа, созданного классиком советской поэзии, облик Солнца-собеседника у Кугультинова вполне конкретен и образительно очеловечен: «И тогда увидела Герел старца с ярко-рыжей бородой».

И дальше всё происходит совсем не так, как на даче у заносчивого поэта. Согласно беседе и дружеского общения не получилось. Герел восхищенно и почтительно приветствует «дедушку», а он, как Демон от Тамары, требует плотской любви.

Но автор уже рассказал нам, что сердце прекрасной калмычки отдано отважному герою — пастуху Церену, спасшему ее в степи от разъяренного быка (что изображено Кугультиновым в лучших былинных традициях «Витязя в тигровой шкуре» и прочего богатырского эпоса). Герел сообщает сие огненному влюбленному и остается верной избраннику. Отвергнутое светило покидает непокорную красавицу, а с ней и матушку-Землю. Межпланетная стужа и тьма охватывает калмыков.

Промучившись семь суток вместе с несчастными родными и убедившись, что всех ждет гибель, Герел взывает к исчезнувшему властелину: «Я согласна!» На вершине символической Меч-горы (все в повествовании символично!) появляется белокрылый лебедь и уносит девушку в космические дали. Солнце спешит навстречу. Но в пятнах, появившихся на его лице, Герел узнает горестный дым от костров своих замерзавших сородичей и, не совладав с собой, в последнюю минуту убегает — превращается в Сар, луну, которая соединиться с солнцем не может и каждое утро при его появлении исчезает с неба.

Однако напрасны старания пересказать поэму, — это невозможно. Нельзя отделить сюжет и суть от поэтических строчек, от сказочных подробностей и деталей, от мыслей и образов, заложенных в притче.

Упиваясь мудростью, ниспосланной нам поэтом, мы ни на миг не можем ослабить напряжение интереса: а что дальше?

Чем всё кончится? Состоится жертва — или Всесильный пощадит своих подданных?

Но солнце жестоко, беспощадны законы космоса. Равнодушная природа дарует восхитительную жизнь существам и отнимает ее, нимало не заботясь о их горестях и страданиях. Только человек способен сострадать своим собратьям и всему живому.

Но он же — дитя Космоса — может и приносить страдания. Он часть равнодушной природы. Об этом сказка Кугультинова. Пересказать ее невозможно. Надо просто читать — и наслаждаться игрой ума и мысли, поэтического слова и его музыкой. И при этом возвышаться душой, становиться нравственнее, человечески совершеннее. Задача же критика, литературоведа — в меру сил объяснить это тем, кто сам не дойдет, помочь постигнуть совершенство произведения.

Афоризмы вышиты по страницам поэмы, как яркий бисер по золотой парче. «Где любовь — нет места принуждению». «Где иссякает жизнь — любовь мертва». «Видно, таков он, дар красоты, — всех поднимать до своей высоты». «Но пособник зла — стоглазый страх — не всегда имеет власть над нами (...) Страх послушен нам и укротим в тот час, когда за правду мы стоим». «Сильных и твердых поддержит труд, воля труда великая». «Человек, любовь свою теряя, человеком быть перестает». «На человеческих костях человеку не построить счастья». «Испугавшись темноты и стужи, что ни час, мы делаемся хуже, мужество теряем на глазах, нас достоинства лишает страх». «И те, кто ради счастья всех людей способен жизнью рисковать своей, стяжая славу, не подвластны смерти». Не только перлы афоризмов рассыпаны по поэме «Сар-Герел», но и множество замечательных песен, каждая из которых имеет самостоятельное значение как произведение поэзии. Одной из таких драгоценных вставок является гимн степи:

Степь! Не с тобой ли одной привык
радость и горе делить калмык? (...)
Степь! Он к тебе приходил, к тебе,
все претерпевшей, перевидавшей (...)
ты у потомка в душе теснилась
ночью полярной, бывало, снилась...

Восхитительно искрится юмором и иронией беседа Герел и Солнца.

— Дедушка, мы рады видеть вас!
Как здоровье? Как прошла дорога? (...)
— Что ж дорога? Путь обыкновенный.
Все же Солнце я, не кто-нибудь.
Солицу ли страшиться расстояний?
Собирался я давно взглянуть
каково живете вы, земляне,
нет ли жалоб или пожеланий? (...)
— Дедушка, я в гости вас звала.
Дайте провожу вас до кибитки,
чтобы вам доподлинно узнать,
хорошо ль гостей мы привечаем.
Подкрепитесь там калмыцким чаем...

Любопытно наблюдать, как с народным фольклором смыкается опыт поэтики XIX и XX столетий. В приглашении Герел Солнцу подкрепиться чаем узнаем чаепитие великого поэта со Светилом. Интонации пушкинских сказок и лермонтовских поэм находим в творении Кугультинова — так же, как в свое время узнавали в стихах Пушкина и Лермонтова мотивы Байрона, Гейне, Гете. Мировая поэзия непрерывно обогащается достижениями все новых и новых гениев.

Поэме Давида Кугультинова предстоит долгая и славная жизнь. Уверен: будет и симфоническая поэма «Сар-Герел», и опера, и балет, — не хуже, чем по сказкам Пушкина.

Однако поэма, как и всё творчество Кугультинова, принадлежит нашему времени. Многие в ее символике, образности, содержании, мысли могло родиться только в двадцатом столетии. В частности, и мотивах космических. Не случайно поэма посвящена Валентине Николаевой-Терешковой.

Вполне естественно, что народный фольклор калмыков питает творчество Кугультинова. В этом убеждают и его поэмы «Грустная повесть», «Сказка об уже». В «Грустной повести» рассказывается об удивительной, фантастической любви раненого лебедя к пригревшей и вылечившей его деvушке. В разлуке с ней лебедь гибнет, умирая от любви. Сентиментальная история, но рассказана так, что вызывает глvбокое волнение читателя.

В «Сказке об уже» фигурирует четырехголовый слон, которого побеждает герой-калмык.

Остается сказать о труде переводчика — Юлии Нейман. Мы то и дело восхищались звучностью и поэтичностью строк поэмы. Но ведь читаем ее по-русски. Многие ли знают калмыцкий язык? Старания и талант Юлии Моисеевны Нейман помогли миллионам читателей России постичь стихи Кугультинова, их прелесть, их музыкальность и мудрость.

Но если немногие из нас знают калмыцкий язык, то, пожалуй, еще меньше читателей знакомы с творчеством поэтессы Нейман. Позволю себе — нет, почту своим долгом! — сказать о ней несколько слов.

Юлия Моисеевна родилась в 1907 году в Уфе. В 1930 окончила литературный факультет МГУ, а четыре года спустя появились в печати ее первые стихи — в «Красной нови». Но большую часть своего поэтического дара посвятила эта женщина тому, чтобы познакомить русского и мирового читателя с творчеством поэтов Джамии, С. Галкина, Махтум-Кули, Фурката, других, а больше всего — Давида Кугультинова. Он отметил это с благодарностью в автобиографии (в книге «Утоление жажды», 1966, Элиста).

Юлии Нейман принадлежат две пьесы: «Дело в Эрнике» (1947) и «Зеленая палочка» (1955), а также труды о творчестве писателей А. Полежаева, Е. Шварца и художников В. Фаворского, И. Шадра и других.

В 1967 году сборник Давида Кугультинова «Я твой ровесник» был выдвинут на соискание Государственной премии РСФСР имени Горького. В конце года поэт получил ее. С ним удостоен был награды еще один человек, чья судьба в тяжелых жизненных испытаниях сходна с судьбой калмыцкого поэта, — Борис Ручьев (он тоже прошел Архипелаг ГУЛАГ).

Одной из первых работ, опубликованных Кугультиновым в ответ на присуждение Государственной премии, явилось стихотворение «Просьба». Приведу его в переводе Юлии Нейман:

О, жизнь! Когда ты на своем пути
затем, чтоб за провинность наказать,
иль чтобы испытать меня опять,
противника захочешь мне найти,

когда и где бы это ни случилось,—
молю тебя, яви такую милость:
из множества народа, что идет
сейчас сквозь времени водоворот,
того, кого борьба не закалила,
чей ум еще незрел и уязвим,
кто послабей меня своею силой,—
не делай, жизнь, противником моим!

Мечта о противнике, достойном по силе и жизненному опыту, свидетельствует о мощи и благородстве борца. Но не ради самой борьбы просит он себе соперника. Его возможное появление поэт представляет как наказание себе за какую-то вину и как испытание своей стойкости.

Будущее в настоящем

Поэта все больше и больше тревожит будущее. Оно творится в настоящем. Разгоравшаяся «холодная война» не давала покоя Кугультинову.

Может, эпоху исследуя нашу,
скажут: «Эх, заварили вы кашу!
И зачем вы пустили стрелу?»

Чтобы «каша не заварилась», Давид обращается с мольбой:

О, время! (...)
Людей и государства научи
дарить друг другу добрые улыбки
и уступать при случае дорогу,
а не сбивать, как поезда в ночи,
друг друга с рельс
в кровавой страшной сшибке.

Стихотворение было напечатано в газете «Советская Россия» 3 марта 1968 года. Во внутренней и внешней политике страны, где жили Кугультинов и все мы, снова обострялась приверженность к силовым действиям как единственному способу решения конфликтов. «Добрые улыбки» государственных руководителей все больше становились масками для официальных встреч и парадов. На деле же лидеры двух сверхдержав демонстративно играли мускулами.

Однако политическая ситуация, сложившаяся в советской жизни и в художественной литературе в частности, еще позволяла тогда лучшим поэтам и писателям участвовать в общественной деятельности. При условии, что они не выступают против курса партии и правительства. Вместе с Борисом Ручьевым, Ярославом Смеляковым, Андреем Алдан-Семеновым,

вым, Николаем Кочиним, Галиной Серебряковой и другими, кто «много лет напрасно отсидел», Кугультинов был допущен к участию в Третьем съезде российских писателей. Поэта поместили в президиум, разрешили произнести речь, а в конце съезда, 28 марта 1970 года, даже избрали в правление и дали пост одного из двадцати пяти секретарей Союза. Равновесие противоборствующих сил соблюдалось. Фамилия Кугультинова значилась в списках рядом с Кочетовым.

Да, решающую роль в относительном доверии партийных верхов играло то обстоятельство, что Давид Никитич, в отличие от Евтушенко и Вознесенского, тем паче — Бунина, Пастернака, Солженицына и им подобных, был сдержан в выражении своего идейно-политического кредо.

Сказывалось и то, что он к тому времени был уже признан как национальный поэт калмыков. (В конце марта 1969 года Указом Президиума Верховного Совета Калмыцкой автономной республики ему было присвоено звание народного поэта Калмыкии.) Обладатель такого звания, лауреат Всероссийской премии имени Горького, да еще участник Великой Отечественной войны, — такого человека выгодно было использовать в интересах «современности», как ее понимали руководители КПСС. Если он на то соглашался, если не бодался теленок с дубом.

И в то же время поэтом-бойцом, поэтом-философом, поэтом-лириком называл Кугультинова его товарищ по перу, калмыцкий писатель Алексей Балакаев («Литературная Россия» 14 февраля 1969 г.). «Его творчество, как чудо-тюльпан, радует все больше и больше, особенно за последнее десятилетие, — писал Балакаев. — Мудрая философия его стихов зиждется на народном духе, на национальной основе».

Разумеется, Кугультинов выражал мысли народа, когда писал:

Давным-давно залеченная рана,
оставшаяся шрамом на груди,
порой напомнит о себе неожиданно,
и это знак, что близятся дожди.
Но за ненастьем вслед наступит вёдро,
и боли нет, и тело снова бодро.
А рана, что душе нанесена,

открыта, и душа занить готова
в предчувствии несчастья мирового.

(«Новый мир», 1970, № 3)

Кугультинов «воюет за справедливость, утверждает своими стихами высокие порывы личности, словом, спешит делать добро (...) Он понимает, что наш век, тревожный и нелегкий, особенно нуждается в человеческой доброте (...) Не избегая скорби, поэт зовет нас на борьбу со злом». Так писала Тамара Резвова.

Это пушкинские принципы поэзии. «Сын степей, калмык», Кугультинов, по выражению Ираклия Андроникова, прозвучавшему на празднике в селе Михайловском 3 июня 1968 г., «предсказанный Пушкиным», имел полное право прочесть свои стихи перед бессмертным солнцем русской поэзии наряду с виднейшими поэтами России и братских республик, Польши, Болгарии, Бельгии и других стран.

Раздумья о путях к человеческому счастью не покидали Давида Кугультинова.

Да, человека в синь высот
теперь ведет тропа земная,
он к Марсу путь найдет вот-вот.
Найдет ли счастье там? Не знаю.

Для человеческого счастья мало достижений науки и техники. Смерть ребенка для матери в каменном веке, наверное, была так же трагична, как и в эпоху освоения космоса. Гибель Хиросимы и Нагасаки не стала менее трагичной, чем гибель Константинополя от того, что ее свершили с использованием высочайших взлетов атомной физики.

«Дальнейшее развитие человечества зависит от его моральных устоев, а не от уровня технических достижений». К такому выводу пришел человек, во многом определивший пути развития научно-технического прогресса в двадцатом веке. Альберт Эйнштейн яснее многих других физиков увидел значение нравственных принципов в жизни.

К этому можно добавить, что и сами моральные высоты зависят от технических достижений. Все-таки смерть ребенка для матери в XX–XXI веках куда тяжелее, чем в каменном,

бронзовом, как и во всех последовавших эпохах. Гораздо тяжелее, чем гибель детеныша для животного.

Те, кто видел способ построения идеального общества лишь в социальной переделке, не уделяя должного внимания исправлению нравов, полагая, что нравы улучшатся, когда общество будет идеальным, ошибались так же, как и те, кто возлагал надежды лишь на самосовершенствование личности. Выход — в синтезе социальных, научно-технических и нравственных достижений человечества. Перестраивать жизнь только на нравственных началах, не обращая внимания на необходимость социальной переделки, — все равно, что растить ребенка, кормя его только сладким. Перекраивать жизнь лишь в социальном плане, пренебрегая нравственными нормами, — значит кормить ребенка одним хлебом. Запретить научно-технический прогресс (были и такие призывы!) — всё равно, что лишить ребенка мяса и масла.

Велика ненависть Кугультинова к войне, беспощаден он к тем, кто тщится свергнуть планету во вселенскую катастрофу. Поэт утверждает: с такими людьми — если можно назвать их этим высоким именем — примирений быть не может. Снова и снова напоминает он читателям образ серых волков, которых надо уничтожать. «Я б жилы свои сплел в веревку одну, чтобы вздернуть того, кто готовит войну», — восклицает поэт, воодушевленный ненавистью.

В стихотворении «Слово к человеческому слову» он писал:

Опора наша, разума основа,
к тебе, о, Слово, обращаю слово!
Ты движешь человечество вперед.
Но ты живешь, пока оно живет (...)
И если хочешь ты продлить полет
от звездной вышки — к новой светлой вышке,
из памяти людей, как язву, выжги,
железом выскобли за слогом слог,
как доктора выскобливают рак,
чтоб ни один не оставался знак,
чтобы никто и помянуть не мог
исчадие по имени Война! (...)
О, Слово, поспеши! Не то она

тебя сотрет и волею растленной
твой выжжет след из памяти Вселенной.

Тем же призывом заканчивал Кугультинов поэму «Воспоминания, разбуженные Вьетнамом» (1966 г.):

Что делать? Не подвластен нам самому
и не предотвратить землетрясения.
Но от войны — я напрягаю ум! —
неужто нету от войны спасенья?!
Я верю: жизнь не обратится вспять!
Тот, кто ведет корабль в пучине звездной,
научится грядущим управлять —
теперь, пока еще не поздно!

Поэма выросла на фронтовых ранах солдат Великой Отечественной войны, хотя вызвана новыми страшными событиями на планете. В том-то и дело, начинает поэт свои философские раздумья, что

тайфуны, бури дальних побережий —
они всегда сбивают с ног меня.
Читаю вести из другой страны —
моей становится чужая драма.

Поэма написана кровью сердца, на полном накале искренности и вдохновения. Превосходный перевод, сотворенный Юлией Нейман, доносит до русскоязычного читателя всю боль автора, весь его гнев и, смею надеяться, весь образный оркестр кугультиновской поэзии. Герой поэмы — украинец Иван Лобода — ассоциируется с несчастным вьетнамцем, семью которого пожирает пламя войны. «Знакомые повадки узнаю, — восклицает лирический герой, — о, Гитлера живучее наследство!»

Теми же мотивами озвучена поэма «Хатынь». Она принадлежит к маленьким, коротким поэмам Кугультинова. Но это все-таки поэма, а не стихотворение. Размышляя о трагедии в Белоруссии, об уничтожении гитлеровцами непокорившихся жителей сел и деревень завоеванной страны, автор проводит аналогии с судьбой Хиросимы и Нагасаки, которым посвятил главное свое произведение — «Бунт разума».

Настойчиво развивает народный калмыцкий поэт пушкинские идеи пробуждения добрых чувств лирой. Много и напряженно размышлял Кугультинов о гениальном русском поэте. В сто тридцать первую годовщину его гибели он напечатал в «Правде» стихотворение «Пушкин».

Необозримо множество стихов, написанных о трагедии главного стихотворца российского. Начиная с гневного протеста Лермонтова и до наших дней эта тема волнует всякого художника, всякого мыслящего человека. Кугультинов нашел к ней новый подход. Мог ли Пушкин не стреляться с Дантесом? Вопрос задает «юный друг» автора стихотворения. Правильно ли сделал великий поэт, пойдя на смертельный риск ради того, чтобы утолить жажду мщения? Может быть, стоило привлечь Дантеса к ответу другим, не столь опасным, способом? А затем сесть и написать еще одно стихотворение о чести, иронизирует Кугультинов и дает ответ решительный и однозначный: не мог Пушкин не стреляться с обидчиком. И именно потому, что видел в нем посланца своры подлых врагов, травивших его неустанно. Не мог поэт пожертвовать своей честью ради того, чтобы «удлинить собрание сочинений», «еще один вершок прибавить к бронзе памятника».

Затем, что воедино слиты
стихи поэта и судьба поэта.

Стихотворение Кугультинова «Пушкин» по всему строю своему глубоко современно тем трудным дням, когда было написано. Современность сказывалась и в том, что каверзный вопрос задает именно «юный друг», надо полагать, поэт. И в приметах времени («Ну, например, на пятнадцать суток упечь» — о Дантесе: закон о наказании за мелкое хулиганство популярен был в те годы в стране «развитого социализма»). И главное, в ответе поэта старшего.

Тема глубока и сложна, исчерпать ее однозначным решением невозможно. Разумеется, все зависит от точки зрения, от исходных позиций размышляющего. Что, если бы Пушкин убил Дантеса? Как это отразилось бы на судьбе и облике поэта? Наверно, не лучшим образом — при всем сочувствии людей к своему любимцу. Утратил бы Пушкин значительную долю обаяния в глазах многих поклонников. И по мере того, как

любое убийство человека человеком, в движении людей к нравственности, будет становиться все менее «престижным», оценка рокового шага Пушкина была бы все более суровой и всё менее благоприятной для его облика, оставаясь лишь в рамках того, что он был «сыном своего времени». Величие образа Пушкина неизбежно снизилось бы. «Затем, что воедино слиты стихи поэта и судьба поэта».

В 1968 г. появилась книжка стихов Кугультинова «Сквозь века». Тираж ее был около ста тысяч экземпляров, она вышла в серии «Библиотека «Огонек». Названа книжка по стихотворению, посвященному поэту и археологу Валентину Берестову. В том стихе, как и во многих прежних, трепетала тревога Кугультинова за судьбу мира на Земле перед угрозой атомной войны. Вера в созидательные силы человека звучала в финале стихотворения:

Я видел все, и рад сказать я,
что находил противоядье
любому яду человек.

«Стихи Кугультинова полны тонкого душевного и духовного изящества, глубины мысли и того света добра, того внутреннего поэтического озарения, какие нам сейчас так остро необходимы», — говорила Мариэтта Шагинян.

14 сентября 1968 г. отправил я Кугультинову такое письмо:

Дорогой Давид! После долгого колебания посылаю «Заполярку» с заметкой о тебе. Почему колебался? Дело в том, что как-то послал тебе «Сибирские огни» с рецензией на твою книгу, а ответа не получил. То ли не дошла она до тебя, то ли не понравилась? Но желание сделать приятное одержало верх и вот — посылаю снова. Сказать о тебе хотя бы вполголоса, где-либо в более широком издании у меня нет возможности (много раз пытался сделать это!). Благодарен «Заполярке», что напечатала.

А написано у меня у твоих стихах много. Почти каждая твоя публикация вызывает мысли, которые хочется вылить на бумагу, и я это делаю. Накопилось, пожалуй, на добрую монографию. В прошлом году пытался предложить ее издательству в Элисте, но получил ответ, что они готовят о тебе

статью в каком-то сборнике. Впрочем, не унываю. Авось, будем живы, и удастся где-нибудь напечатать.

Горячо желаю тебе успехов. Пиши больше и так же хорошо, умно и благородно.

И мне пиши, хоть по паре слов, не обижайся, если у меня, что не так. Сергей.

6 октября, не получив ответа, я нашел в записной книжке телефон квартиры Давила в Элисте и позвонил. В половине двенадцатого вечера соединили. Женский голос спросил: «Кто?» Давид оказался дома, и через несколько секунд послышался басовитый его голос: «Здравствуй. Получил твое письмо и газету. Всё собирался ответить, да поездки. Только что вернулся из Ташкента. Был на встрече с читателями. «Что нового?» — спросил я. — «В Москве на днях книга выходит. А в будущем году двухтомник в «Гослитиздате». — «Работаешь в отделении союза?» — «Нет, свободен».

Прошел год и в Москве в издательстве «Советский писатель» вышла книга Кугультинова «Дальние сигналы». В ней было два раздела стихов — «Жизнь и размышления», «Душа слова» — и две поэмы: «Воспоминания, разбуженные Вьетнамом», «Повелитель Время». Восемьдесят с лишним стихотворений, в большинстве не входивших в предыдущие сборники. Поэзия Кугультинова углублялась, все меньше было в ней наносного, проходящего.

Василий Федоров писал о той книге («Литературная газета» 5 декабря 1969): «В ней — и острота современности, и философичность, игра ума и многоцветие чувства. Часто самое, казалось бы, обычное предстает в необычном повороте».

«Здравствуй, дорогой Сергей! — писал мне Давид 26 ноября 1969 года. — Честное слово, давно собирался написать тебе, и каждый раз, как назло, только соберусь писать, — исчезал твой адрес. Это бывает часто при такой неразберихе, как на моем столе. Каждый раз откладывал письмо, надеясь, что обязательно твой адрес выплывет сам по себе. И вот, перебирая в связи с ремонтом бумаги, нашел твою открытку с обратным адресом и решил сию же минуту написать непременно.

Живу, работаю потихоньку, именно потихоньку. Как все. В том смысле, что не только я, но почти все мы, современные писатели, ужасные лентяи и лодыри и время тратим на всё, только очень мало на литературу. Не представляю, что было бы со всеми нами, если бы бог родил нас на сто лет раньше. Наверно, с голоду подошли бы. Впрочем, это взгляд писателя на вопрос. С другой стороны, наверно, было бы еще ужаснее, если бы шесть тысяч членов Союза писателей каждый год стали бы отваливать по роману и сборнику стихов. За пятилетку — 30 тысяч! А если пятилетку в четыре года — 36 тысяч! А если прибавить книжки не членов, но писателей?! Вероятно, потребовалась бы огромная кибернетическая машина, которая всё читала бы и объективно (машина всегда объективнее человека? в думающих машинах, может, будет вселяться дух автора машины — тогда на них надежда малая?) стала бы выделять из массы книг гожее и не гожее, точно информируя читателя. Сколько бы гожих книг осталось? Впрочем, все это, разумеется, шутка.

Всё, что печатаю, ты, вероятно, читаешь. В этом году вышла новая книжка — «Дальние сигналы», которую посылаю тебе. В будущем году, в начале, выйдут два тома избранных стихов и поэм в «Гослитиздате». Уже набирается новая книжка. В ней будет большой цикл лирики, неожиданно родившейся. Любовной лирики. В конце декабря прошлого года я попал в автомобильную катастрофу. Пролежал полтора месяца. Думал о смерти, а родились стихи о любви. Из этого цикла я много печатал в нынешнем году. В «Юности», «Москве», «Лит. газете». И еще будет в «Лит. газете», в «Лит. России». По-прежнему пишу в плане философском, раздумья и всё, что пишется само по себе. Много лет работаю над одной большой поэмой. Выйдет ли что из этого, а если выйдет — будет ли напечатано, — не знаю. Вещь сложная, может, в чем-то ошибусь, а может, ошибутся те, кто будет решать ее судьбу. Нет, не о тюрьме и не о лагере. А о жизни современного человека, который находится под угрозой атомного гриба.

Много времени уходит на поездки. Только в этом году бывал в Хабаровске, Комсомольске, Владивостоке, в Башкирии, объездил МНР, Польшу, много раз был в Москве. И хочется еще поездить, побывать, в частности, в Норильске. Если вырвет время — это сделаю.

Здравствуй, дорогой Сергей!

Удивительное слово, право содержится немалая груда и каменный
факт, как на вы, уныло соберутся инициалы — инициалы убогой
адресе. Этой грудой забавно иронично недовольство, как
на меня самом. Каждый факт откладывает инициалы, как
они обязательно убогой адресе впадают самим по себе.
И вы, перебирая, в связи с инициалами, бумажки, инициалы
иногда отбрасывают с адресными адресами и решают само
же манеру немалого неурядицы.

Инициалы, работая на — галактику, инициалы на — галактику. Как вы.
В том смысле, что не только в, но инициалы все инициалы,
соборные инициалы, галактики инициалы и инициалы, и инициалы
галактики на вы, галактики очень мало на инициалы. Не
представляю, что инициалы от со всеми инициалы, инициалы от
бога родили нас на со инициалы факта. Инициалы, с
галактики инициалы. Инициалы, инициалы инициалы инициалы на инициалы.
с инициалы инициалы, инициалы, инициалы от еще инициалы, сами
инициалы галактики инициалы галактики инициалы, инициалы инициалы, инициалы от
инициалы инициалы на инициалы и инициалы инициалы! В инициалы
— инициалы! А если инициалы с инициалы инициалы — инициалы
инициалы! А если инициалы инициалы инициалы инициалы, инициалы
инициалы?! Инициалы, инициалы инициалы от инициалы
инициалы инициалы инициалы, инициалы инициалы инициалы инициалы инициалы
инициалы (инициалы инициалы инициалы инициалы (?)) (с
галактики инициалы инициалы, инициалы, инициалы инициалы инициалы инициалы
инициалы — инициалы на как инициалы инициалы?) ~~инициалы инициалы~~
с инициалы инициалы инициалы инициалы инициалы инициалы, инициалы
инициалы инициалы инициалы инициалы. (Инициалы от инициалы инициалы
инициалы? Инициалы, инициалы инициалы, инициалы.

Все, что можно, по, веролом, тычешь. В этом
 году выжили новые стихи "Дневник поэтики", которые
 написаны тебе. В другом году, в начале, выйдут
 два тома изданных стихов и поэмы с комментариями.
 Ты капризней новых книжек. В них будет болельщик
 цика морган, мотидеино ридовичев. Мабович
 ириси. В конце февраля прошлого года я попал
 в абхазско-грузинскую катастрофу. Провисела половина января.
 Делал в слезах, а ридовичев Спенс и мотидеино. Из
 этой жизни я много пережил в последние годы.
 В "Юности", "Мираже", "Лит. Газете": и еще будет
 в "Лит. Газете", в "Лит. России". Но временно пишу
 в kleine грузинскими, раздвигая и все, что пишется
 сами на себе. Много лет работал над одной
 большой идеей. Выдвигал ли ты в этом, а если
 выдвигал - будет ли капитально - не знаю. Какое слово,
 мотидеино, в том-то смысле, а мотидеино, мотидеино по, как
 будет решать и судить. Нет, не в Грузии и не
 о мире. А о жизни современного человека, который
 находится над уровнем атмосферы Земли.
 Много времени уходит на изыскания. Только в этом
 году работал в Хабаровске, Камчатке, Владивостоке,
 Башкирии, Абхазии, Якутии, Поволжье, много раз в Москве.
 и только еще поездки, мотидеино, и мотидеино, в
 Норильске. Если выйдут труды - это здорово.
 Как пишешь, это интересно?
 Все, мотидеино, и все, что все держит.

С любовью

Д. Кугультинов

26. XI - 69.

Как живешь. Где работаешь?

Вот, пожалуй, и всё, что хотел черкнуть.

С приветом — Д. Кугультинов».

На «Дальних сигналах», присланных Давидом, было написано, пусть и с преувеличением, но дорогое для меня:

«Сергею Щеглову, хорошему, умному человеку, в память о Норильске, с пожеланием всего доброго на свете. Д. Кугультинов, 26.XI-69 г., Элиста».

Не только Василий Федоров, Мариэтта Шагинян и другие известные литераторы высоко оценивали творчество Давида Кугультинова. Упоминание его в первом ряду советских поэтов стало обычным. 24 декабря 1969 г. А. Метченко в «Правде» писал: «Человек нового, социалистического мира предстанет перед нами со страниц поэзии Н. Тихонова, А. Прокофьева, К. Кулиева, В. Федорова, Яр. Смелякова, Д. Кугультинова, Л. Мартынова, А. Малышко, Р. Гамзатова».

Такие оценки были справедливы, и все, кому довелось лично знать Кугультинова, гордились поэтом.

Неожиданный ракурс: летняя погода (Михаил Дудин, Кайсын Кулиев и Давид Кугультинов в аэропорту Норильска). 7 февраля 1979 г., «Литературная газета» № 6

Философский роман в стихах

21 апреля 1971 года «Литературная газета» опубликовала отрывок из поэмы Кугультинова — «Хиросима». (Через год поэма была напечатана на калмыцком языке в альманахе «Свет в степи», а потом и на русском целиком увидела свет под названием «Бунт разума» — во втором номере журнала «Новый мир».)

Это произведение можно считать программным для Кугультинова. Обращение его к кровоточащей теме атомных бомбардировок было не первым. Но на сей раз он выступал с особенной страстностью. «Бунт разума» как бы подвел итог его размышлениям о самом главном, что тревожит людей на земле.

Многие поэты обращались к этой теме, предупреждая правителей о страшной опасности. «Эй, люди, отрешитесь от идиллий, задуматься вам подан верный знак!» — призывал Расул Гамзатов («Колокол Хиросимы»). «О, человек, чье имя свято! Подняв глаза с молитвой ввысь, среди распада и разврата,— остановись, остановись!» — требовал Евгений Евтушенко («Проклятье века — его спешка»). «От вспышек блицев бледны министры — самоубийцы, самоубийцы! Идет всемирная Хиросима. Невыносимо, невыносимо всё ждать, чтоб грянуло», — стонал Андрей Вознесенский («Монолог Мерилин Монро»).

Но все яснее становилось, что никакие предупреждения поэтов-гуманистов не доходят до «тупых генеральских лбов», по выражению Евтушенко. Когда подготовка к новым Хиросимам в двух наиболее мощных странах планеты развернулась с небывалой интенсивностью, когда все громче и громче слышались угрожающие басы пушек и замирал голос отчаявшихся муз, — Давид Кугультинов вновь напомнил:

Шестое августа! Оно вросло
в календари, как рак или саркома.
И посейчас оно всему земному
грозит костляво — черное число,
понятья наши поломав и меры,
началом став жестокой новой эры (...)
И за мгновенье, равное векам,
сто тысяч жизней полетели в бездну,
сто тысяч тел — уже ни здесь, ни там —
в едином шквале сгнули безвестно.
В одном огне — виновный и невинный.
В одном костре — глупцы и мудрецы.
В одной купели — женщины, мужчины,
младенцы, старцы, дочери, отцы.

Герой поэмы Кугультинова американский врач Адам Крейзи мобилизован в Хиросиму с группой медиков-исследователей, именуемойся Эй-Би-Си-Си, посланных, чтобы изучить последствия атомного взрыва. Крейзи прибывает сюда двадцать дней спустя после бомбардировки. Еще корчились «сто тысяч зараженных длинной смертью», «как в Дантовом аду вставали волны скрежета и воя, провалы ртов зияли и глазниц, и пузыри, налитые водою, навстречу поднимались вместо лиц», и «вздрагивали люди, называя болезнь коротким словом: лучевая».

Первая встреча Крейзи — с доктором Накамурой. Японец подводит американского медика к комочку бинтов — девочке Намико. Ребенок объясняет причину своего несчастья:

Была я непослушна и упряма.
С ежом играть не разрешала мама,
а я сбежала к ежику во двор,
и это с неба увидали боги.
Мне говорила мама: боги строги —
и рассердились боги на меня,
и на меня швырнули столб огня.

Рассказ умирающего в страшных муках ребенка потрясает, поэт ударил по самой тугой струне, пронзил сердце читателя.

Намико безропотно принимает «наказание». Одно только удивляет девочку:

Но почему же, почему же мама
ни разу не пришла сюда ко мне?
Я знаю: это по моей вине.
Она, конечно, мною недовольна.
Пусть, милая, она простит меня.
Любимая, мне очень, очень больно.
Я вся горю от божьего огня.

Несчастливая девочка не знает, что ее мать погибла вместе с тысячами горожан или, как и она, лежит где-нибудь, обвязанная бинтами, ожидая смерти.

В душераздирающем образе ребенка, «наказанного строгими богами», поэт представил нам весь ужас жестокости этих чудовищ. В отличие от Намико мы знаем их подлинные имена. Но так же, как и она, ничего не можем сделать, чтобы предотвратить злодеяния «богов» в будущем.

Так, значит, поэма написана напрасно? Нет, нет и нет! Именно ради написания таких поэм и существует поэзия. Не уставать стремиться раскрыть глаза людям! Не уставать учить их противиться Злу!

Сорок лет спустя после бомбардировки Хиросимы летчик Пол Тиббетс, сбросивший смертоносный снаряд на мирный город, заявлял корреспонденту: «Я был очень счастлив, да,— очень счастлив тем, что мне была поручена эта миссия (...). Я несколько не сожалею об этом. Воспоминания о том, что я сделал, не вызывает у меня никаких угрызений совести. У меня за все эти сорок лет не было ни одной бессонной ночи. (Юрий Жуков. «Он охотно сбросил бы бомбу снова». «Правда» 10 августа 1985 г.)

Пока есть на земле такие фанатики, новые Хиросимы неизбежны. Неустанно развенчивать подобный «патриотизм» — насущная задача поэта.

Эпико-мифологическая новелла «Железная птица», вставленная Кугультиновым в «Бунт разума», повествует о том, как послушные подданные кровожадного хана, который долгие годы уничтожает жителей своей страны, не в состоянии справиться с соседним владыкой,— по приказу кумира создают из металла и людской крови чудовище, способное пожрать все живое. Железная птица сначала поглотила всех жителей враждебной хану державы, а потом в поисках новых

жертв стала проглатывать все живое на собственной родине. Легенда заканчивается символической сценой прозрения потомков создателей кровожадного стального дракона. С глубокой болью поэт восклицает:

Трудно сразу свет увидеть белый,
если с детства не видал ни зги.
Но еще трудней другое дело —
распрявиться, встать на две ноги,
если ты всю жизнь провел, ползя:
сразу человеком стать нельзя.

Так что же — нынешние поколения людей так и погибнут, не в состоянии обуздать своих повелителей — преступников? Не хочется смириться с таким выводом!

...Бредет Адам Крейзи ночной сожженной Хиросимой. По-толстовски глубоко и точно рисует Кугультинов состояние души доброго человека, Пьера Безухова XX столетия. Кровью сердца написаны строки (даю их в переводе Юлии Нейман):

Он шел. Блеснула сумрачно река.
Название ее как будто — «Ота».
Рассказывают люди: в день налета
в ней клокотали струи кипятка.
Сейчас она глухим забылась сном —
тусклей, чем Стикс, беспмятнее Леты.
Наверно, такова река планеты,
куда нисходит душ усопших сонм.
И чудится Адаму: он, один,
идет, идет, послушен и печален,
по пустырям, где был Нью-Йорк, Берлин,
меж грешными камнями, средь развалин,
идет, послушен чьей-то злобной воле (...)
И пустота всё тягостнее, шире.
Вдоль мертвых рек, по мертвым городам
один, один в осиротевшем мире
идет последний человек — Адам.
Давно ли жизнь кипела в этом крае,
прославленном искусством и трудом?
Здесь было все, что мы, соединяя,
в душе своей, гармонией зовем.
Всё, всё погибло. Стало грудой пепла.

Нет прошлого. Грядущее ослепло.
И кажется Адаму: всё — в золе.
Не только здесь. Везде. По всей земле.
Где танец, тот, что, как душа, духовен?
Мелодия, хранившая от бед?
Где повелитель музыки — Бетховен?
Бетховена на свете больше нет!
Нет музыки. И мысли нет. Нет слова.
Шекспира нет. Нет мудрого Толстого.
Нет в мире больше ни Добра, ни Зла.
И даже время сожжено дотла.

Вот с какой страстью, с какой экспрессией бунтует Разум устами Кугультинова. Перед нами, быть может, величайшая поэма XX века, место которой среди гениальных поэм и трагедий мира, там, где творения Шекспира, Гете, Шиллера, Байрона, Пушкина, Лермонтова, Толстого.

По сути, то не поэма даже — роман в стихах. Кугультинов возродил жанр «Чайльд Гарольда», «Евгения Онегина».

Не знаю другого поэтического произведения последних лет советской литературы, где с такой широтой охвата и глубиной философии осмыслены важнейшие события с середины до конца двадцатого столетия. Поэту удалось отыскать всемирно-исторический смысл в ключевых моментах второй половины века, раскрыть мрак пропасти между нравственным обликом человека и развитием научно-технического прогресса. Кугультинов проявляет высокую зрелость исторического мышления, позволяющую изобразить ужасающий трагизм человеческого общежития, погрязшего в варварстве и духовном рабстве. Конфликт нравственно-зрелого человека с косным миром дикости нарисован во всей яркости поэтических красок.

Надо учитывать, что писался роман в то время и в той стране, когда и где поэт не мог назвать всё своими именами. Не мог он сказать, что в «холодной войне» повинны обе сверхдержавы. И все же показал, как сходна слезка за инакомыслящими в США эпохи маккартизма с тем, как подавлялось свободомыслие в Стране Советов. Как знакомо советским читателям было то, что показывал поэт на судьбе Адама Крейзи!

Кугультинов не акцентирует в своем повествовании то обстоятельство, что при всей безусловной преступности приказа Трумэна уничтожить два мирных города в основе была и начальная сторона — Пёрл-Харбор. В страданиях и мучительной гибели девочки Намико и сотен тысяч ее сородичей не только американский президент повинен, но и японский император, чего до сих пор не осознали боготворящие его соотечественники.

Вспоминаю, что писал мне Давид в ноябре 1969-го. «Много лет работаю над одной большой поэмой (...) Вещь сложная, может, в чем-то ошибусь, а может, ошибутся те, кто будет читать ее судьбу».

К счастью, судьба романа была решена достойно: знамение времени. При всех рецидивах политической опеки над литературой в семидесятые годы в СССР все же нет-нет да появлялись произведения, истинно поэтические и освещающие явления с прогрессивных позиций. Борьба между «ястребами» и «голубями» шла в стране победившего социализма, как и на родине Вашингтона и Линкольна. Времена, когда поэтов и прозаиков, неугодных власти, расстреливали и губили в лагерях, миновали. Даже авторов явно антисоветских книг, как Пастернак и Солженицын, оставляли в живых, хотя фундаментальных их творений в стране не печатали.

Весь гнев поэта в «Бунте разума» направлен против милитаристов Соединенных Штатов: Тафта, Артура, развращаемой ими толпы. Но главным-то героем избран гуманист-американец! Вспомним, сколько потрясений в американском обществе и во всем мире вызвала вьетнамская война. Трудно найти оправдание тем, кто ее затеял и долго и упорно продолжал. Но и у нее, как и у Хиросимы, тоже была другая сторона! Это не вошло в поле зрения советского поэта Кугультинова.

Но заслуга его в том, что в романе он показал всю чудовищность военных методов решения конфликтов между правительствами, весь их анахронизм, всю гибельность.

Сын Кэтрин и Адама Крейзи Томас мечтает стать космонавтом, первым вступить на одну из планет солнечной системы. Прекрасная, великолепная мечта, вполне достойная юноши! Отец его, опаленный и умудренный горьким опытом собственной юности — немецкого пленения и Хиросимы,—

убеждает мальчика: прежде чем послать в космос, тебя заставят бомбить вьетнамские города и деревни. Сын отвечает:

Я свою дорогу
сознательно, продуманно избрал:
что ни случись, — я сяду за штурвал (...)
Ты диагност, как следует врачу.
А я... Я просто верю, что до Марса
Я, Томас Крейзи, первый долечу,
себя прославлю, и тебя, и маму,
Идет? — И Томас подмигнул Адаму.

На деле вышло еще хуже, чем опасался Крейзи-старший. Сына в легчики не допустили, а бросили в пехоту. Хотя по всем критериям и подходил в летные части, ему не было доверия из-за отца — противника войны. И вьетнамская пуля принесла смерть юноше Крейзи на боевом посту в джунглях.

Потеря любимого единственного сына доконала несчастного гуманиста. Участь его была предрешена с самого начала, но гибель Томаса стала незаживающей и смертельной раной. Гнет тяжкого безумия Адама Крейзи и является тем бунтом разума, который как дамоклов меч висит над бессильным пленником всемирного Зла — человечеством.

Высока художественная достоверность главных образов романа — Адама, Томаса, Кэтрин, ее отца Тафта, начальника американских медиков в Хиросиме Артура.

Замечательны по глубине философского проникновения поэта в психологию человеческого общения страницы романа, повествующие о разобщенности людей, их одиночестве, разделенности ложью, невозможностью высказать истинные чувства и мысли.

Адам мечтает:

Излиться бы кому-то! Хоть отчасти!
Но я себя обуздываю все ж.
А почему? Слова людские — ложь,
и правду говорить — не в нашей власти.
Все лгут друг другу! — простонал Адам —
И это началось во время оно (...)
Все — даже люди из одной страны —
словами навсегда разделены!

Что — «из страны»? Да из одной семьи!
На всех почило грозное проклятье:
не может сговориться муж с женой,
на разных языках толкуют братья
и словно бы разделены стеной.
Отец и сын, равно как дочь и мать,
друг друга разучились понимать,
хоть их словарь как будто одинаков (...)
Между людьми стоят перегородки,
меж нами возвела преграды ложь!
На лжи теперь вращается Земля.
Чуть подросло дитя, — за школьной дверью
его встречает ложь. Учителя
Чему ребенка учат? Лицемерью! (...)
Лжет девушка — из страха, по расчету.
Иные лгут, чтоб получить работу,
другие — чтоб работы им не дать.
Реклама лжет. Газета — ей под стать.
Проела души ложь неуследимо!
Ведь даже президент высокочтимый,
когда он в Белом доме держит речь,
чтобы симпатии к себе привлечь
и сохранить подольше пост высокий,
без счета извергает лжи потоки
и лжет хозяевам, и лжет народу.
Да, только лживый краснобай хорош
в том государстве, где хозяйка — Ложь!

Мечтаю: когда будут созданы по роману «Бунт разума» кинофильмы и симфонические поэмы, и опера, — как прозвучит ария о лжи! Это будет так же грандиозно, как ария о клевете, как ария о металле, за который гибнут люди!

Без низкой мысли нравиться кому-то

Поэты произвольно перекликаются.

Перекликаются не так, как бродящие по лесу в ответ на услышанное «ау!» Порой удивляешься, встречая одну и ту же мысль, один и тот же образ у различных поэтов. Различных по паспортным данным, но сходным по мировоззрению, творческой манере.

А удивляться, в сущности, нечему. Истинный поэт — всегда глашатай и выразитель мыслей и чаяний своего времени, эпохи. Высказывает то, что назрело в душах людских и что ищет выхода в слове.

Поиски этого Слова — самая сладкая радость и самая тяжкая мука поэта.

В глубинах мирозданья слышу слово,
его еще никто не смог найти!
С невыносимой маетой немого
я вслух его хочу произнести.

Так писал во второй половине прошлого века русский поэт Владимир Лазарев. Строки те были замечены внимательными читателями. А независимо от того примерно в то же время в журнале «Новый мир» появилась созданная Давидом Кугультиновым поэма «Явление слова» (в прекрасном переводе Юлии Нейман).

До чего же тесно соприкасается мысль двух поэтов! Только то, что у Лазарева лишь намечено, как эскизный рисунок карандашом, Кугультинов превратил в широкий холст, играющий красками, переливающийся всеми оттенками жизни. Четверостишие одного поэта превратилось усилиями другого

в поэму. Мысль заострена, уточнена, развита и предельно отточена.

Бессонная ночь поэта. Он творит. Вот и утро. Работа закончена, стихотворец доволен: написаны отличные стихи!

Суть хороша. И форма — ей под стать.
Все стройно. И красиво чрезвычайно.
«Но...— вдруг шепнул мне некий голос тайный,—
но это можно бы и не писать».

С горьким чувством поэт ложится в постель. И снится ему... Он — за своим письменным столом, но не в прокуренной тесной комнатке, а в широкой степи, на вершине кургана.

Я заполняю белые страницы,
блестящие, как снежные поля,
поэзией, какая миру снится,
которой наша зажалась земля (...)
Как будто лишь теперь я сбросил путы,
и я вожу пером по белизне
без низкой мысли нравиться кому-то,
лишь ради правды, что открылась мне.
Все люди станут чище и моложе,
когда увидят истины кристалл.
О, как создание это не похоже
на те стихи, что раньше я писал!
(...) Трепетность наитий
перебегает, искрясь, по стихам.
Я это Слово людям передам:
— Вот, милые, любимые, возьмите!
И мужество, и мудрость в Слове том.
Меж небом и землей блистая гранью,
оно всеочистительным огнем
избавит всю планету от страданья.
Оно, перелетая рубежи,
перегородки и границы руша,
освободит людей от груза лжи,
калечащего беспощадно души (...)
Дарю вам счастье! Вот оно, друзья!
Берите, овладейте им навеки!
И — первый в мире — мир увижу я
без горя, без единого калеки.

Вот оно о чем, это Слово, которого искал поэт в глубинах мирозданья! Оно — о всеобщем счастье людском. Да, о всеоб-

щем, — ибо не может быть по-настоящему счастлива ЧАСТЬ людей — в то время, когда несчастны другие.

Но как сделать всех людей счастливыми? Уж сколько было попыток...

Поэт просыпается. Он еще полон сиянием только что написанных стихов. «Но, боже мой! (...) На что они похожи?! Где музыка?! Что случилось с мудрой сутью?!» «С невыносимой маетой немого» поэт пытается произнести найденное им слово — и не может!

Значит, стихотворение пессимистично? Значит, поэт обречен на бессмысленность своего труда? Стало быть, люди никогда не будут счастливы вполне?

Кугультинов стихом пушкинской силы и ясности отвечает: нет! «Верю, верю в добрый нрав Земли и человеческой природы!» — восклицает он. Счастья всех людей достичь нелегко, нелегко. Но оно достижимо.

Исчезнут подлость, клевета и грязь.

Где кровь текла, там воссияют розы.

Иначе — зачем сама жизнь? Какой в ней смысл, если счастливым можно быть только при несчастьях других, тем более — за счет несчастий многих?

Выступая на Третьем съезде писателей РСФСР в конце марта 1970 года, Кугультинов говорил:

«Некоторые люди, заигрывая с фактами текущей истории и лстя им, пытались обвести жирной чертой границы того, что входит в понятие «современность». Они даже намекали на годы, с каких начинается эта современность. Такая установка способствовала появлению серых книг, открывая перед ними зеленую улицу. Разве можно искусственно разрывать время? Может, кому-нибудь это и было выгодно (...) Многотысячелетнее богатство общечеловеческой культуры, бережно сохраненное людьми, дает нынешнему современному человеку тот интеллект, тот ум, который делает его украшением и венцом природы. И потому, думается, понятие современности включает в себя необычайно широкий круг проблем, все то, что необходимо для воспитания подлинно современного человека. Такое понятие современности, думается, идет в русле известного высказывания Владимира Ильича Ленина о том, что

коммунистом можно стать лишь тогда, когда овладеешь всей суммой знаний, которые выработало человечество за свою историю (...) Если я мыслю современно — это означает, что я мыслю о вещах, которые волнуют всех людей, живущих в одном времени со мной».

«Человек рождается на свет с чистыми страницами памяти, которые потом заполняются мудрой рукой жизни,— заключал Кугультинов свое выступление.— Чем будут заполнены эти драгоценные страницы, во многом зависит от нас, писателей. Писатель с помощью слова или, вернее, самим словом помогает формированию мировоззрения человека. Он выступает в качестве учителя, а учеников у него миллионы. Миллионы живущих сегодня и миллионы тех, кто придет завтра, сменив нас. Не просто сменяя, а вбирая в себя всё то, что есть неумирающего в нас: наш опыт, наши мысли и чувства, наше понимание добра и зла, наши великие мечты. И потому писатель должен иметь моральное право на те слова, которые говорит читателям. Безнравственно, когда трус учит храбрости, глупец — мудрости».

Указом Президиума Верховного Совета СССР 10 марта 1972 г. Кугультинов был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В газетах был опубликован ряд стихотворений поэта и статей о нем. В издательстве «Художественная литература» в переводе на русский язык вышло собрание стихов и поэм; в другом московском издательстве — «Советская Россия» — готовилась к печати его книга «Возраст». Она вышла в следующем году.

«Кугультинов служит современности и всем своим незаурядным талантом, и опытом своей нелегкой судьбы,— писал поэт Михаил Дудин в газете «Известия».— Этот опыт помогает таланту наполнять слово глубоким смыслом, находить безошибочно точку приложения таланта к явлениям жизни. Поэт знает цену радости и глубины слова. Он понимает ответственность человека, несущего на самую высокую вершину, на вершину человеческой любви, самый тяжелый груз, груз человеческого познания. Суесловие чуждо его натуре».

«Наш Дава,— так любовно называют народного поэта Калмыкии Давида Кугультинова у него на родине,— сообщал

в «Литературной газете» калмыцкий поэт Лиджи Инджиев. — Сегодня, к своему пятидесятилетнему юбилею, Кугультинов — автор более 20 книг, талантливых и мудрых (...) Через все творчество Кугультинова проходит мысль о честном служении Родине, об ответственности перед народом. Поэзия Давида вдохновляет человека, она утверждает веру в неизбежное торжество добра и справедливости. Его стихи печатаются на многих языках, они известны не только за пределами его малой родины — Калмыкии, но и его большой Родины — Советского Союза».

Один из популярных деятелей советской литературы Вадим Кожевников отозвался возвышенными словами в «Литературной газете»:

«Есть поэты, которые при всей своей одаренности остаются поэтами узкой аудитории. Давид Кугультинов — художник иного склада: он пишет о том, что волнует всех советских людей, его имя известно не только любителям поэзии, но и тем, кто не считает себя постоянным «читателем стиха». Творчество Кугультинова современно в самом высоком смысле этого слова, потому что его герой — народ, «облеченный властью», потому что мудры люди, о которых пишет поэт (...) Философская глубина и строгая афористичность мысли сочетается в стихах Кугультинова с щедрой, при всей внешней скупости, живописностью. В этих стихах дыхание калмыцких степей, их зной, их ветер, их краски и звуки. Они лиричны, но они и монументальны — не только по мысли, но и по чувству. Та же поражающая воображение монументальность и в его поэмах. Поэт высокой культуры, Давид Кугультинов свободно владеет не только всеми богатствами фольклора своей родной Калмыкии, «страны сказок». В его распоряжении — художественный и нравственный опыт всего многонационального советского народа, и он черпает в этой сокровищнице образы, характеры, сюжеты, свой оптимизм, свою веру (...) Долгой жизни Вам, удивительный Давид! И большое спасибо за ту радость, какую доставляют нам Ваши стихи!»

Секретариат правления Союза писателей СССР направил в те дни поэту приветственную телеграмму, в которой говорилось: «Мы знаем Вас как замечательного лирика, мастера эпической поэзии, публицистики, утверждающего в своем твор-

честве красоту души и деяний советского человека. Печатью мастерства отмечены переведенные Вами на родной язык произведения многих художников мировой и советской многонациональной литературы. Мы высоко ценим Вашу многообразную деятельность в писательской организации страны, Вашу отзывчивость и заботу о подрастающей смене литераторов».

Выступая в большом зале Центрального дома литераторов в Москве 14 марта 1972 года на вечере, посвященном пятидесятилетию Кугультинова, председатель правления Союза писателей РСФСР Сергей Михалков назвал юбиляра большим поэтом России, творчество которого широко известно не только в нашей стране, но и за ее рубежами. «Неизменное стремление поднять в своих произведениях важные темы жизни, — утверждал председатель, — осмыслить важнейшие проблемы современности, прекрасное поэтическое мастерство снискали замечательному советскому поэту любовь и признание читателей» («Литературная газета», 22 марта 1972 г.). Критик А. Турков проанализировал творчество юбиляра. Кугультинова приветствовали прославленные поэты и прозаики страны: Агния Барто, Константин Симонов, Алексей Сурков, Мариэтта Шагинян, Лев Ошанин, Михаил Луконин, Мустай Карим, Кайсын Кулиев, Алим Кешоков.

Мустай Карим говорил:

«Он родился, как это нам уже известно, в тринадцатый день весны. Это тринадцатое число принято считать недобрым, даже несчастливым. Да, родившемуся в тот день судьба послала потом много испытаний, бед и горя. Но «как бы трудно ни приходилось в жизни, — писал он, — я никогда не терял святую веру в торжество дела Ленина и нашей Коммунистической партии. Эта вера дала мне силу перенести тягчайшие испытания жизни».

Та же судьба наградила его человеческим счастьем самой высшей пробы, имя которому — талант. И еще дала в придачу большое мужество и неиссякаемую веру в добро и справедливость.

Он всегда сосредоточен, и его огромный лоб мне кажется полем боя, где постоянно идет сражение за главную высоту Правды, твоей Правды, Поэзия Кугультинова. Он не суетлив

ни в помыслах, ни в поступках, высоко несет свое человеческое достоинство, как и свою большую кудлатую голову.

За годы нашей дружбы я с ним немало делил веселых застолий, — говорил Мустай, — вел тихие, степенные беседы, порой вступал в споры. Он из далекой Элисты спешил в Уфу радоваться моей радости, когда однажды в моем доме зажгли все огни. Не удивительно, что, когда меня дважды настигала в дороге беда, всякий раз он вместе с Кайсыном Кулиевым или Расулом Гамзатовым оказывался рядом со мной.

Ты, Поэзия Кугультинова, рожденная из радости и боли, из веры и сожалений, наверное, знаешь, что подлинный поэт начинается лишь тогда, когда чужое счастье и чужое горе навсегда вселяются в его душу (...) Не всякий имеет право заступиться за человечество и говорить от его имени. То право надо заслужить, вернее, выстрадать, как истину, как любовь. Кугультинов выстрадал его.

Русский язык, этот великий толмач мыслей и страстей народов, сделал тебя, Поэзия Кугультинова, достоянием всей страны. И это случилось потому, что по своей идейно-эстетической сущности ты стала достойной того завидного удела. Ты и он, вызвавший тебя к жизни, очень схожи. Содержание его личности стало твоим существом. Вы достойны друг друга — он и ты. Тебе повезло, Поэзия Кугультинова: большая, тревожная и умная душа вложена в тебя».

Таковы слова и мысли поэта о поэте.

В те дни Н. Сергованцев писал в «Огоньке»: «Теперь имя его значится в ряду всесоюзно известных литературных имен. Давид Кугультинов — поэт завидной самобытности, за последние полтора десятка лет талант его раскрылся особенно активно и впечатляюще крупно (...) Современная советская поэзия обогатилась еще одним творцом ее (...) Поэзия Кугультинова выросла на плодотворной почве богатейшего калмыцкого фольклора, она и сейчас жадно питается им. Устное творчество родного народа не только легло в основание безупречной поэтики Кугультинова; мощный, из глубин истории идущий свет этого чарующего творчества придал гармоническую объемность, особую значительность всему тому, что нашел в дне текущем и выразил поэт в звучных, поющих стихотворных строках (...) В каком бы жанре ни выступал поэт, прежде все-

го и преимущественно он обращает свой изучающий взор на нравственный мир личности».

Среди кандидатов на Государственную премию СССР 1976 года в области литературы, искусства и архитектуры, имена которых опубликовал Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР, было имя Давида Кугультинова. В конкурс на соискание Государственной премии включили его книгу «Зов апреля». Этот сборник стихов и поэм в переводе Юлии Нейман был выпущен в конце 1975 года в Москве издательством «Советский писатель». В книге содержались четыре поэмы и несколько десятков стихотворений. Первый десяток посвящен был апрелю, весне.

Упорно, неотступно прорастая
внутри уже набухшего зерна,
внезапно сила — буйная, кругая —
от зимнего освободилась сна.
Смешала солнца яростные соки
с медлительными соками земли.
Запели птицы, розы расцвели,
и взмыл до неба свет любви высокий.

В сборнике были поэмы: «Корень», «Явление слова», «Цветок, одолевший бурю», «Шахматист». Остановимся на «Шахматисте» (поэма написана в 1972 году).

В поэме рассказывается о встрече прославленного гроссмейстера, только что завоевавшего звание чемпиона мира, с семнадцатилетним юношей, лечащимся в психиатрической больнице. Мальчик попал в нее потому, что считает себя гением шахмат. Врач, устроивший встречу, имеет замысел: использовать поражение больного в шахматном состязании, внушив ему, что никакой он не гений, и тем излечить. Но получается другое.

Первая партия юноши с чемпионом мира оканчивается разгромом гроссмейстера. Чемпион видит, что это не случайность, убеждается: перед ним действительно гениальный шахматист, ломающий все установленные каноны теории и практики. По предложению гроссмейстера соперники играют еще одну партию, и чемпион, собрав все силы, используя ошибку противника, с огромным напряжением побеждает.

Больной сразу никнет, теряет уверенность. Врач торжествует: он добился своего: больной — на пути к выздоровлению.

Некоторое время спустя тот же чемпион, проводя сеанс одновременной игры, снова встречается с молодым человеком, обыгравшим его, и на сей раз без малейшего труда дает ему мат, как и всем соперникам по сеансу. Излечившись от веры в свою гениальность, юноша стал заурядным игроком. Герой же поэмы — профессиональный шахматист — с болью душевной думает:

Что ж, доктор, ты добился результата,
от гениальности его леча!
Оздоровил больного страшный шок,
в лице его опять играют краски.
Но ведь теперь он мыслит по подсказке,
от буквы не уйдет ни на вершок.

Какая потеря! Поэма заканчивается обреченно: чемпион с глубокой грустью смотрит вслед удаляющемуся после сеанса юноше: «Вот он смешался вдалеке с толпой и навсегда исчез из виду». Смешался с толпой, исчез! «А если гениальность — род недуга?» — вспыхивает оглушающая мысль. Но чемпион отвергает ее.

Нет, гениальность — не болезнь ума!
Впитавший знанья многих поколений,
тот ум, что породила жизнь сама,—
людские души освещает гений.

С выводом этим можно спорить: не исследованы еще законы появления гениев. Но поэтическое вторжение в тему настолько эмоционально, коротенькая поэма оставляет столь сильное впечатление, что предмет изучения выносится на авансцену, а творение Кугультинова надежно вписывается в ряд значительных произведений искусства.

Государственная премия СССР 1976 года Кугультинову была присуждена. Выступая 10 ноября следующего года в «Литературной газете» под рубрикой: «Говорят лауреаты Государственных премий СССР», Давид Никитич сказал:

«На днях я получил первый том собрания своих произведений, и это, вероятно, одна из самых больших радостей в моей жизни».

Собрание вышло в трех томах, печатание продолжалось два года (1976 и 1977). В него было включено восемнадцать поэм (среди них несколько очень объемных: «Бунт разума», например, занимает 126 страниц!) и 507 стихотворений.

Предисловие написал Чингиз Айтматов. Там было сказано:

«Такой художник слова, как Кугультинов, рождается в недрах своего народа, в «галактике» его духовного и нравственного опыта, в его муках и радостях (...) Мало того, современный национальный поэт, в данном случае речь идет о Кугультинове, рождается как бы дважды,— возникая в недрах своего народа (...) выходит с именем этого народа из узкоместной поэзии в большой мир, в литературу общечеловеческого значения (...) В советское время калмыки возродились на новой социально-исторической почве. И только таким образом мог появиться, сформироваться в среде калмыцкого народа один из виднейших советских художников слова, наш современник — Давид Кугультинов. Поэтому-то творчество Кугультинова — само по себе факт исторический».

«Как мастер стиха, как мыслитель,— продолжал Айтматов,— Кугультинов весьма интересен, глубок и современен. Высокий уровень интеллектуальности, психологическая обусловленность мысли сопрягается в его творчестве с простотой, со зримой земной вещественностью, лирические движения души — с мощным эпическим потоком его поэм. Оставаясь верным особенностям национального мировосприятия, Кугультинов в то же время поднимается к глобальному мышлению человека XX века, достигая в своей поэзии «стереофонического» изображения больших и малых величин — человек в огромном мире и весь мир в отдельном человеке. Самые сильные, яркие стороны кугультиновской поэзии — размышления, раздумья, внутренние переживания, насыщенные тревогами, переходящими в надежды, надеждами, переходящими в сомнения, радостью, горечью, мудростью человека наших дней (...) Зрелый большой художник предстает перед нами со всей великой болью и великой надеждой. Своим дыханием, своей кровью, своей мудростью художник оплодотворяет расхожие газетные темы, возвышая их до вершин искусства».

Свое предисловие Айтматов заключил так: «Давид Кугультинов — несомненно большой, самобытный художник слова. Он давно, активно и много пишет, обогащая советскую литературу своими произведениями».

Так оценил творчество Кугультинова один из крупнейших художников современного мира.

Мощный заряд ненависти к войне, к этому анахронизму человеческого развития, величайшей и страшнейшей нелепости истории, пронизывает все творчество Кугультинова. Его сочинения были своего рода поэтической энциклопедией антивоенных настроений, страстной песнью в защиту и во славу мира — естественной формы существования человечества. И как все ручейки вливаются в реки, а реки устремляются к морю, так в творчестве Давида все лирические многочисленные струи — любовь, патриотизм, гражданственность, любование природой, философские раздумья — впадают в океан, имя которому — антимилитаризм. Пожалуй, именно в этом самая прочная, самая высокая современность поэзии Кугультинова. Ибо нет сегодня важнее задачи у людей, чем сохранение мира на земле.

В августе 1978, будучи в Ясной Поляне и просматривая экспозицию на нижнем этаже Дома Волконского, где выставлены были книги — подарки писателей музею-усадьбе, нашел я под стеклом витрины раскрытый на портрете Кугультинова его сборник «Жизнь и размышления». На титульном листе, возле силуэта птицы, знакомый мелкий почерк:

«Человечество, родившее такого титана мысли, как Толстой, видимо, все-таки одолеет все внутренние распри и дойдет до своей великой цели и всеобщего блага всех людей на Земле, к светлой эре Любви, Разума и Свободы. Д. Кугультинов. 9-I-72».

«Дай-то бог!» — подумал я, прочитав эти строки.

Рядом со сборником Давида лежали исписанные тем же ровным бисерным почерком две страницы ответов на вопросы анкеты Ясной Поляны в связи с пятидесятилетием образования СССР.

Много лет прошло с тех пор, как виделись мы с Кугультиновым. И эта случайная встреча с его высказываниями у дома Толстого как бы восполнила для меня пробел в общении с человеком, которого всегда уважал и ценил. Особенно дорога

она была тем, что мысли, высказанные здесь моим давнишним другом, совпадали с моими.

12 марта 1982 услышал я сообщение о награждении Давида Кугультинова орденом Ленина. А вслед за тем и интервью с ним в программе «Время» по Всесоюзному телевидению. На следующий вечер в концертной студии Останкино экран позволил мне увидеть его вновь на торжестве, ему посвященном. Я радовался его славе.

Промелькнуло еще девять лет. 17 января 1991 года по радио объявили: сотрудница Крымской астрофизической обсерватории Черных открыла еще одну малую планету и назвала ее: КУГУЛЬТИНОВ.

Это был день, когда американские бомбардировщики сбросили бомбу на Ирак — в отместку за нападение Саддама Хусейна на соседний Кувейт. Выступая в тот день на заседании Президиума Верховного Совета СССР, Давид Никитич осудил военные действия США.

«Ничто не стоит человеческой крови», — сказал он.

А я подумал: Давид, ведь в «Моабитском узнике», да и не только там, ты утверждал: приходится людям проливать кровь свою ради достижений высоких целей. Стоила человеческой крови борьба против Наполеона, Гитлера.

Проливать СВОЮ кровь ради счастья других! СВОЮ! Но не распоряжаться кровью других людей?

Казуистика! Если ты стоишь во главе государства, а на него напали, ты вынужден призывать и даже принуждать других на пролитие ИХ крови. Или — сдать свои земли, города и села, дома и поля, засеянные хлебом? Отдать их захватчикам?

Хуссейн, пролив столько крови своих соотечественников для достижения собственных целей, напал на соседнюю страну и готовился пролить крови еще больше. Нужно ли было остановить его? Или — не останавливать, наблюдать агрессию и тем поощрить ее, как в свое время сильные страны Европы поощрили агрессию бесноватого ефрейтора?

Вот оно, противоречие, над разрешением которого бьются люди, лучшие умы уже столько тысячелетий! Снова и снова мы в его тисках. Можно ли применять силу к насильнику или следует безропотно покоряться, следуя Христовым заветам?

Единого и окончательного ответа нет. Птицы Кугультиновской поэзии витают в небесах человеческой мысли в напряженных поисках.

Библиография

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Стихи юности (Баг насна шулгуд). 1940.
Глазами сердца. Стихи и поэма. Пер. с калм. М. Сов. писатель, 1958. С. 148. Тир. 3000.
Бамба и красавица Булгун. Волшебные сказки. М. 1959.
Жирһл. Элст. 1960.
Заслужить бы друга любовь. Стихи. Библиотека «Огонек». № 4. М. «Правда». 1961.
Песнь чудной птицы. 1961.
Золотое сердце. 1961.
Коммунизмин эрунт. Элст. 1962.
Олна телэ. Элст. 1962.
Цагин жисэн. Элст. 1963.
Равные солнцу. Стихи и поэмы. Пер. с калм. М. Сов. писатель. 1963. С. 136. Тир. 4000.
Сар-Герел. Поэма. Элиста. 1964.
Жизнь и размышления. Стихи. 1964.
Стихи и поэмы («Библиотека советской поэзии»). Пер. с калм. М. Худ. литература. 1964. С. 248. Тир. 7000.
Избранная лирика. М. «Молодая гвардия». 1960. С. 32.
Утоление жажды. Элиста. 1966.
Я твой ровесник. Стихи. М. Сов. писатель. 1966. С. 164. Тир. 20000. 2-е изд. М. 1968.
Сквозь века. Стихи. Библиотека «Огонек». № 3. М. «Правда». 1968.
Я твой ровесник. Стихи и поэма. М. Сов. Россия. 1968. С. 160.
Сокровенные слова. Стихи. Элиста. 1968.
Дальние сигналы. Стихи и поэмы. Пер. с калм. М. Сов. писатель. 1969. С. 216. Тир. 10000.
Ситара Дэви. Поэма. Элиста. 1970.

Избранные произведения в 2-х томах. М. Худ. литература. 1970. Тир. 25000. Т. 1. С. 448.

Близь и даль. Стихи. М. Мол. гвардия. 1972. С. 240. Тир. 15000.

Возраст. Стихи. Поэма. Авторизов. пер. с калм. Юлии Нейман. М. Сов. Россия. 1973. С. 334. Тир. 75000.

Зов апреля. Стихи и поэмы. Пер. с калм. Юлии Нейман. М. Сов. писатель. 1975. С. 166.

Разногравье. Стихи. Пер. с калм. (библиотека поэзии России). М. «Современник». 1975. С. 367 с ил. (худ. Г. Клодт) и пластинкой. Тир. 20000.

Живая вода. Стихи («Сокровищница братских литератур»). Киев. 1976. «Днипро». На укр. яз. С. 125. Тир. 4000.

Собрание сочинений в 3 томах. Пер. с калм. М. Худ. литература. Тир. 75000. Том 1. 1976. С. 384. Том 2. 1977. С. 496. Том 3. 1977. С. 432.

Память света. Стихи и поэмы. Пер. с калм. М. Сов. Россия. 1979. С. 400. Тир. 25000.

Собрание сочинений. Элиста. Калмыцкое книжное издательство. 1980.

Трудное поле жизни. Стихи и поэмы. М. Современник. 1983. С. 384.

Необоримые. Поэмы. М. Современник. 1985. С. 254.

Горизонт событий. Стихотворения, поэмы. М. Современник. 1987. С. 352. Тир. 25000.

Собрание сочинений в трех томах. Пер. с калм. М. Объединенное гуманитарное издательство. 2002. Тир. 3000. Том 1. Стихотворения. С. 320. Том 2. С. 352. Том 3. Поэмы. С. 336.

ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛАХ, СБОРНИКАХ, ГАЗЕТАХ

Стихи (Д. Кучумитинов). «Металл — фронту». Норильск. 1945. (Архив. С. Щеглова (Р-41)).

Стихи. Сб. «Поэты Калмыкии». Пер. с калм. М. Сов. писатель. 1956. Предисловие Д. Кугультинова.

Аршань-Зельмень. Пер. Якова Козловского. «Дружба народов». № 8. М. 1959.

Новая весна. «Литература и жизнь». М. 21 августа 1959.

Точная трасса. Стихи. «Литер. газета». М. 22 августа 1959.

Стих. «Крокодил». № 2. М. 1961.

Казань. Стихи. Пер. С. Липкина. «Литература и жизнь». М. 30 декабря 1962.

Стихи. «Новый мир». № 12. М. 1963.

Из цикла «Жизнь и размышления». «Литер. Россия». М. 3 апреля 1964. Пер. Юлии Нейман.

Стихи («Разум» и др.). «Литер. Россия». 3 июля 1964.

- Живая вода. Поэма. Пер. Юлии Нейман. «Дружба народов». № 1. М. 1964.
- Зерно. Стихи. «Дон». № 1. Ростов-Дон. 1964.
- К 70-летию Н.С. Хрущева. «Дружба народов». № 4. М. 1964.
- Размышления. Стихи. «Новый мир». № 5. М. 1964.
- Родина. В Норильске. Первый шаг. Я знаю твердо — сбудутся мечты! «Литер. газета». М. 1 августа 1964.
- Жизнь и размышления. Стихи. «Дружба народов». № 9. М. 1964.
- Сар-Герел. Поэма. «Сов. Калмыкия». Элиста. 1964.
- Василий Дмитриевич Федоров (некролог). «Известия». М. 24 июля 1964 (в числе других писателей).
- Новые стихи. Пер. С. Липкина. «Литер. Россия». М. 4 марта 1965, с фотогр.
- Пять стихотворений. «Новый мир». № 11. М. 1965.
- Стихи. «Юность». № 11. М. 1965.
- Сар-Герел. Глава из поэмы. «Литер. Россия». М. 10 сентября 1965.
- «Еще не зазвучавших песен звук». «Новый мир». № 11. М. 1965, № 1. 1975.
- Шпага Городовикова. Стихи. «Москва». № 5. 1965.
- Стихи. «Дружба народов». М. № 5. 1965.
- Зерно. Стих. «Правда». М. 23 мая 1965.
- Закон движения. Стих. «Правда». М. 20 июня. 1965.
- Новые стихи. «Литер. Россия». М. 4 марта. 1965. С портр.
- Размышления. «Огонек». № 39. М. Сентябрь 1965.
- Утоление жажды. «Известия». М. 7 ноября 1965 (статья).
- Стихи. «Волга». № 12. Саратов. 1966.
- Стихи. «Дон». Ростов-Дон. № 12. 1966.
- Ответственность художника. «Вопросы литературы». № 1. М. 1966.
- Солнце в Заполярье. «Заполярная правда». Норильск. 23 января. 1966.
- Стихи. Пер. А. Стрелкова. «Дон». № 4. Ростов-Дон. 1966.
- Родник. «Норильск-Норильск» и др.
- Стихи. Пер. А. Стрелкова. «Москва». № 5. 1966.
- Из новых стихов. «Новый мир». № 5. 1966.
- Об очерке Н.В. Гоголя. «Калмыки». «Дружба народов». № 5. М. 1966.
- Новые стихи. «Литер. Россия». 18 марта 1966.
- Партийный взнос. Стихи. «Сов. Россия». М. 11 декабря 1966.
- Два стихотворения. «Литер. газета». М. 13 декабря 1966.
- Эльбрус. «Правда». М. 18 февраля 1967.
- Едва за книгой руку протяну... «Литер. Россия». М. 10 февр. 1967 (стихи о Пушкине).
- Стихи. «Кубань». Краснодар. Январь 1967.
- Тополь. «Правда». М. 15 июля 1967.
- Первые плоды. Стих. «Литер. газета». М. 20 сентября 1967.

- Дальние сигналы. Слово. Стихи. «Известия». М. 3 декабря 1967.
Портрет. Стихи. «Известия». М. 31 декабря 1967.
Стихи. Сб. «День поэзии». М. 1967.
Просьба Лимба. От горы до горы. Стихи. «Литер. газета». М. 10 января 1968.
Время. «Я видел тех, кто никогда не плачет». «Я не боюсь». Письма. «С завидным знанием шахматных законов». После ненастья. Стихи. «Литер. Россия». М. 5 января 1968.
Пушкин. Стих. «Правда». 10 февраля 1968.
В редакции еженедельника «Литературная Россия». «Литер. Россия». М. 9 февраля 1968 г. (благодарность за поздравления с Госуд. премией).
Бессмертный подвиг. «Правда». М. 30 марта 1968 (о Гагарине).
Слух Бетховена (стих.). «Известия». М. 24 февраля 1968.
Душа слова. Тело. Стихи. Пер. Ю. Нейман. «Дружба народов». № 1. М. 1968.
«Я видел тех, кто никогда не плачет». «Я вижу, как с восторгом неустанным...». Соблазн. Стихи. «Комсомольская правда». М. 19 апреля 1968.
Солнце сердца (стихи о Ленине). «Правда». М. 28 апреля 1968.
Над стройкой солнце мрело еле-еле» (стихотв. о Пушкине). «Литер. Россия». М. 31 мая 1968.
Другу. Раздумье. Стихи. «Правда». М. 16 июня 1968.
Облачко. «Когда б к исходу странствия земного...», «Друзья познаются в несчастье», «Жизнь на лицах вяжет узелки». Стихи. «Новый мир». № 5. М. 1968.
Со второй космической. «Литер. газета». М. 25 сент. 1968.
Стихи. Сб. «Сокровенные слова». Элиста. 1968.
Чабаны (стих.). «Дон». № 12. Ростов-Дон. 1968.
Повелитель Время. Поэма-сказка. «Дружба народов». № 12. М. 1968.
Справедливость (стих.). «Известия». М. 8 июня 1968.
Слово об учителе и друге (Горьком). «Литер. газета». 1968. 26 июня.
Величие (Горького). «Литер. Россия». М. 5 июля 1968.
Вдохновение полета. «Литер. Россия». 17 января 1969 (о Шаталове, Вольнове, Хрунове и Елисееве).
Слово прощания (некролог Дорджиева). «Литер. Россия». М. 7 февраля 1969.
Из поэтической тетради (Начало дня. «С тех пор...»). «Правда». М. 1960. 16 апреля
Ровно столько нужно для души (к 70-летию Н.Н. Ушакова). «Литер. Россия». М. 8 июня 1969.
К счастью! «Литер. Россия». М. 13 июня 1969.
Наш современник. «Литер. газета». М. 4 июня 1969 (Пушкинский праздник).

- Лирика. «Литер. газета». М. 27 августа 1969.
«Как поглядишь со стороны». Стихи. «Правда». М. 18 августа 1969.
О шамане. Стихи. «Литер. Россия». М. 5 сентября 1969.
Стихи. «Москва». № 10. М. 1969.
Обращение к словам. Начало дня. «С тех пор...». Актеру. Размышление. Москве. Стихи. «Юность». № 9. М. 1969.
Обращаясь к ленинскому наследию. «Вопросы литературы». № 10. М. 1969.
«Когда я вижу...». Старики. «Правда». 24 ноября 1969.
О переводах поэзии и поэзии перевода. «Литер. газета». 26 ноября 1969.
Лирика. Стихи. «Комсомолец Калмыкии». Элиста. 11 октября 1969.
Ленин зовет вперед. «Вопросы литературы». № 10. М. 1969
Литве. Зимой лютой. Стихи. «Правда». М. 17 января 1970.
«И явь грядущего видней...». «Правда». М. 21 апреля 1970.
Из лирики. «Новый мир». № 3. М. 1970.
Родине (стих.). «Соц. индустрия». М. 5 декабря 1970.
Хиросима. Из поэмы. «Литер. газета». М. 21 апреля 1971.
Приветствие «Заполярной правде» (к 5000 номеру). «Заполярная правда». Норильск. 19 мая 1971.
Служение Отечеству. «Литер. газета». М. 23 июня 1971.
Выступления по Всесоюзному телевидению 5 декабря 1971 г. (о советской Калмыкии).
Выступление по Всесоюзному телевидению 8 декабря 1971 г. (к 150-летию Н.А. Некрасова).
Наше светлое родство. «Литер. Россия». М. 19 ноября 1971. (к 60-летию Семена Липкина).
Первые книги. «Литер. газета». М. 21 декабря 1971 (изложение доклада на пленуме правления Союза писателей РСФСР 14 декабря 1971 г.).
Заки Нури — 50 лет. «Литер. газета». М. 22 декабря 1971.
Тебе, столица. «Сов. культура». М. 30 декабря 1971.
Бунт разума. Поэма. Пер. с калм. Юлии Нейман. «Новый мир». № 2. М. 1972.
Из книги «Возраст». «Правда». М. 14 марта 1972.
Стихи. «Байкал». Иркутск. Декабрь 1971.
Стихи. «Дон». Ростов-Дон. Декабрь 1971.
Стихи. «Москва». М. Март 1972.
Шахматист. Поэма. «Наш современник». М. Март 1972.
Душа скорбит безмерно. «Литер. Россия». М. 24 декабря 1971 (на смерть А. Твардовского).
Истинная поэзия всегда рождается жизнью. Доклад на пленуме правления Союза писателей РСФСР. «Литер. Россия». М. 24 дек. 1972.

Кровью сердца (предисловие к калмыцким стихам). «Дружба народов». № 5. М. 1972.

Солнце — человек. «Книжное обозрение». М. 6 октября 1972.

Слово (стихи). «Гудок». М. 15 октября 1972.

Слово прощания. «Литер. Россия». М. 17 ноября 1972. (Д.А. Улзытуев.)

«Связью сердца, властью сердца» (о стихах Владимира Нурова). «Дружба народов». № 5. М. 1972.

Язык общения народов. «Правда». М. 29 ноября 1972.

Буйт разума. Поэма. Сб. «Свет в степи» (на калм. яз.). Элиста. 1972.

Ради счастья человека! «Литер. газета». М. 3 декабря 1972.

Поэзия не умирает. «Литер. Россия». М. 1 декабря 1972 (некролог Яр. Смелякова)

Гармония красок. «Литер. Россия». М. 14 ноября 1972.

Нариман Гасан-заде. «Литер. газета». М. 28 июня 1972.

Раздумья. «Кипучий мир тебя зовет». «Правда». М. 2 января 1973.

Москва. Стих, из книги «Близь и даль». Книжное обозрение». М. 12 января 1973.

Правда поэзии (очерк). «Наш Современник». № 3. М. 1973.

Иронические строчки. «Литер. газета». М. 23 марта 1973.

Весенние строки. В степи. Светлые вести (стихи). «Правда». М. 11 апреля 1973.

Партбилет № 1 (стих.). «Юность». № 4. М. 1973.

Лик степи. Стихи. Пер. Ю. Нейман. «Дружба народов». № 6. М. 1973.

Живой — с живыми (стихи о Маяковском). «Правда». М. 19 июля 1973.

Явление слова. Поэма. «Новый мир». № 10. М. 1973.

Бессмертие мысли. «Литер. газета». М. 23 января 1974.

Новые стихи: «Ты спрашиваешь, как родится сказка», «Девочка, совсем еще дитя», «В канун весны, уже неожиданно», «Когда вхожу в степной простор». «Правда». М. 7 июля 1974.

Книги веков «Махабхарата» и «Рамаяна» на русском языке. «Литер. газета». М. 30 октября 1974.

Многосторонне воздействовать на литературный процесс (выступление на всесоюзном совещании критиков). «Литер. Россия». М. 8 февраля 1974.

Память о матери. Стихи. «Дружба народов». М. 1975. № 5.

Имя огромное как мир. «Молодой коммунар». Тула. 1 января 1975 (о Толстом).

Сон в замке. Баллада. «Литер. Россия». М. 10 января. 1975.

Поэзия — испытание будущим. «Литер. газета». М. 22 января 1975.

- Встреча в Минске. Стихотв. репортаж. «Литер. Россия». М. 19 декабря 1975.
- Зрелость мастера. «Литер. Россия». М. 5 декабря 1975 (о Д. Жалсараеве).
- Работать и работать. «Литер. газета». М. 10 ноября 1976. (послесловие к повестям и рассказам Л. Инджиева «Дочь Ольды». «Сов. Россия». М. 1976.
- Как жизнь сама. «Литер. Россия». М. 19 ноября 1976 (о М. Дудине).
- «Возвысив честь страны родной». Стихотв. «Металлург». Тула. 1 января 1977.
- Радость открытия. «Литер. газета». М. 1977. 11 апреля.
- Мысль. Поэт и время. Добро и зло. Стихи. «Заполярная правда». Норильск. 16 февраля 1977.
- Грядущее... Я за него в ответе (стихи). «Литер. газета». М. 20 апреля 1977.
- Москве. Стихотворение. (из сб. «Красная площадь»). «Книжное обозрение». М. 27 апреля 1979.
- Певец сурового края. Штрихи к портрету Юрия Рытхэу. «Литер. Россия». М. 19 ноября. 1960.
- Родник пробьется. Стихи (полоса). «Литер. Россия». М. 10 октября 1980.
- Союз сердец и судеб. «Юность». № 8. М. 1982.
- Омытый светом день. Стихи. «Правда». М. 28 мая 1983.
- Рыбак и др. стихи. «Литер. газета». М. 1983. 16 июня. С портр. Золотой век у нас впереди. «Литер. газета». М. 4 января 1984.
- Земля и небо обнялись. Стих., пер. Ю. Нейман. «Литер. Россия». М. 1 января 1984.
- В делах грядущих. Стихи. «Правда». М. 2 января 1984.
- Стихи. «Юность». М. Январь 1984.
- Стихи. «Октябрь». М. Январь 1984.
- Стихи. «Знамя». М. Февраль 1984.
- Книгоград. «Альманах библиофила». Вып. VI. М.
- Колокола Хатыни. Стихи. «Правда». М. 30 апреля 1984.
- Высокая ответственность. «Литер. Россия». М. 5 октября 1984 (о речи К.У. Черненко).
- Град в Венеции. Поэма. «Дружба народов». № 11. М. 1984.
- Солнце в Заполярье (стихотв.). Дорогие норильчане! (Автограф 18. П. 1977 г.). Фото с С. Михалковым, В. Мартыновой и др. «Заполярная правда». Норильск. Специальный выпуск (цветной). 1 марта 1985.
- Роль писателя в сохранении общечеловеческих ценностей. Обращение к Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву и Президенту США Р. Рейгану (Ч. Айтматов, Г. Бакланов, Г. Быков, Я. Засурский, Д. Кугультинов и др.). «Литер. газета». М. 20 ноября 1985.
- Есть еще шанс (статья). «Литер. газета». М. 25 декабря 1985.

Кайсын Шуваевич Кулиев (некролог). «Литер. Россия», «Литер. газета», «Правда», «Известия» и др. газеты СССР. М. 12 июня 1985 (в числе др. писателей и обществ. деятелей).

Имя Оки Ивановича Городовикова. «Литер. Россия». М. 22 февр. 1985. С портр.

Река под деревом жизни (статья). «Литер. Россия». М. 1 ноября 1985.

Поэзия любви и мужества. «Литер. Россия». М. 14 июня 1985.

(О кончине Кайсына Кулиева). Москва. «Когда оживает слово». Высокий свет. Кто старше? Стихи. Пер. Юлии Нейман. «Литер. газета». М. 5 июня 1985.

Открытое слово. Стих. «Литер. Россия». М. 13 декабря 1985.

Выступление на VI съезде писателей РСФСР. «Литер. газета». М. 1985. 19 декабря.

Ленин. Стихотв. «Коммунар». Тула. 22 апреля 1987.

Паруса мечты. Стихи (полоса). «Литер. Россия». М. 2 января 1987.

Древо жизни. Стихотв. «Правда». М. 24 марта 1986.

Зерно. Стихотв. «Литер. Россия». М. 21 марта 1986.

Представляем молодых. Александр Соловьев. «Литер. Россия». М. 6 июня 1986.

Решиться — значит победить. Стих. «Литер. Россия». М. 21 февраля 1986.

«Сельская жизнь». М. 1 ноября 1987 (статья).

«И я пришел». Стихи. Пер. Юлия Даниэля. «Огонек». № 28. М. 1988.

Дом и др. стихи. Пер. Юлия Даниэля. «Новый мир» № 7. М. 1988.

От правды я не отрекался. «Огонек». № 35. М. 1988. С портр.

Три вопроса писателю-кандидату (депутату Верховного Совета СССР). Экспресс-интервью. Давид Кугультинов. «Литер. газета». 1 марта 1989 (вспоминаания о докторе Янулявичусе). «Медицинская газета». М. 1989.

Мы — единомышленники. Выступление народного депутата СССР писателя Давида Кугультинова на Съезде народных депутатов СССР. «Сов. культура». М. 8 июля 1989. С портр.

Стихи. Сб. «Гнездовье вьюг». Книга стихов норильских поэтов. Норильск. 1994.

Будет ли предел беспределу? (совм. с С. Михалковым, Ч. Айтматовым, Е. Евтушенко, Вл. Карповым, М. Каримом, В. Распутиным и Е. Сидоровым). «Литер. газета». М. 7–13 апреля 2004.

На день рождения. Стих. «Заполярный вестник». Норильск. 20 апреля 2005 г. (в инф. Т. Шайбулатовой).

Стихи. Сб. Поэзия узников ГУЛАГа (Антология). Составитель С.С. Виленский. Серия «Россия. XX век. Документы». Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М. «Материк». 2005.

ПУБЛИКАЦИИ О КУГУЛЬТИНОВЕ

Аграновский Валерий. Последний долг. М. Akademia. 1994.

Алтайский К. Ступени мастерства. «Литер. Россия». М. 23 сентября 1966.

Андроников Ираклий. Говорящий журнал. «Правда». М. 4 марта 1969.

Анфас и в профиль. Дружеские шаржи Н. Лисогорского. Давид Кугультинов. «Литер. газета» М. 1 мая 1972.

Арутюнов Л. Бессмертен в памяти людской. Страницы многонациональной поэтической Ленинианы. «Литер. газета» М. 19 апреля 1972.

Балакаев Алексей. Корни, ветви, плоды. «Литер. Россия». М. 14 февраля 1969.

Балуева Н.И. Тропую памяти далекой. «Заполярная правда». Норильск. 22–30 декабря 1988.

Баранов В. Подписные издания в новой пятилетке. «Литер. Россия». М. 4 июля 1980 (собрание сочинений Д. Кугультинова в Калмыцком книжном издательстве).

Берестов Вал. Слово о друге-поэте. «Литер. Россия». М. 24 октября 1965.

Бессмертному подвигу посвящается. Всесоюзное совещание писателей и критиков. Прения. День второй. Давид Кугультинов. «Литер. газета» М. 19 марта 1975.

Бикчентаев Анвер. Волшебный голос рассказчика. «Литература и жизнь». М. 18 ноября 1960.

В горах Дагестана. «Литер. Россия». М. 8 апреля 1983. С портр.

В гостях у лауреатов. Давид Кугультинов: «Судьба страны — судьба поэта». ТАСС. «Коммунар». Тула. 12 марта 1972 (и др. газеты).

В атмосфере единства и дружбы. «Литер. Россия». М. 3 ноября 1972.

В Комитете по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР. О выдвижении кандидатур на соискание Ленинских премий 1966 года. Д.Н. Кугультинов. Сборник «Стихи в поэмы». «Правда», «Известия». М. (и др. газеты СССР). 18 декабря 1965.

В Комитете по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР. О выдвижении кандидатур на соискание Ленинских премий 1966 года. Д.Н. Кугультинов. Сборник «Стихи в поэмы». «Правда», «Известия». М. (и др. газеты СССР). 22 февраля 1966.

В президиуме пленума Правления СП РСФСР (С.В. Михалков, Д.Н. Кугультинов и др.). «Литер. Россия». М. 10 апреля 1987 (фото).

В Москве. Вечер, посвященный 60-летию М.А. Дудина. «Литер. Россия». М. 26 ноября 1976 (упом.).

В секретариате Правления Союза писателей РСФСР. «Литер. Россия». М. 21 апреля 1972.

В секретариате Правления Союза писателей РСФСР. «Литер. Россия». М. 3 ноября 1972.

В Союзе писателей РСФСР. «Литер. Россия». М. 30 января 1976 (упом.).

Вачаева В. Свеча милосердия. «Заполярная правда». Норильск. 13 декабря 1989 (о воспоминаниях Д. Кугультинова о докторе Януловичусе в «Медицинской газете». 1989 г.).

Вдохновенный певец России. Торж. вечер, посвященный 90-летию со дня рождения Сергея Есенина. «Литер. Россия». М. 25 октября 1985 (упом.).

«Везет же норильским книголюбам!». «Заполярная правда». Норильск. 17 февраля 1977 (о пребывании Д. Кугультинова и др. писателей в Норильске. Фотогр. В. Карасева).

Вечер поэзии Д. Кугультинова. «Говорит и показывает Москва». 1979.

Вечер поэзии Д. Кугультинова в концертной студии Останкино. «Говорит и показывает Москва». 8–14 марта 1982. С портр.

Всесоюзное совещание критиков. Выступление Д. Кугультинова. «Литер. Россия». М. 6 февраля 1974.

Встреча с читателями. «Труд». М. 27 февраля 1977 (Д. Кугультинов в Норильске).

Встреча с Норильском. Передача из Центрального дома литераторов им. А. Фадеева. «Говорит и показывает Москва». 18 мая 1977.

Встреча с Норильском. «Труд». М. 12 февраля 1978.

Встреча в ЦК ВЛКСМ. «Литер. Россия». М. 4 апреля 1969.

Встреча с земляками. «Правда». М. 7 февраля 1977.

Воспоминания о Семене Данилове. Якутск. 1983. С. 304 (Д. Кугультинов, Е. Евтушенко и др.).

Высокий долг писателей. «Правда». М. 19 декабря 1975 (об избрании Д. Кугультинова в число секретарей Правления СП РСФСР).

Выступление Д. Кугультинова на VII съезде писателей СССР. «Литер. газета». М. 8 июля 1981.

Выступление Д. Кугультинова по Всесоюзному радио 30 декабря 1985 г. «Говорит и показывает Москва». Декабрь 1985.

Гали Муса. Разум против зла. О поэме Давида Кугультинова «Бунт разума». «Литер. Россия». М. 9 марта 1973.

Гамзатов Р. «Вопросы литературы». М. 1995. Вып. III. С. 354.

Главная тема — современность. «Литер. газета». М. 1972. 28 июня.

Гражданственность — душа поэзии. С объединенного пленума Правления Союза писателей РСФСР и Правления московской писательской организации (выступление Д. Кугультинова). «Литер. газета». 16 декабря 1970.

Гринберг И. Взыскательность. «Литер. газета». М. 3 февраля 1966 (о поэзии Д. Кугультинова).

Гринева И. Незабываемый вечер. «Коммунар». Тула. 12 ноября 1972.

Газете 19 лет. «Заполярная правда». Норильск. 22 декабря 1969.

Д. Кугультинов об очерке Н.В. Гоголя «Калмыки» («Дружба народов». № 5. 1966). «Литер. Россия». М. 13 мая 1966.

Д. Кугультинов. «Директор». Главы из поэмы. Читает автор. «Говорит и показывает Москва». 16 августа 1988.

Д. Кугультинов. Встреча с народным поэтом Калмыкии. «Говорит и показывает Москва». 18 марта 1989. С портр.

Д. Кугультинов. Дружеский шарж Н. Лисогорского. «Литер. газета». М. 28 января 1976.

Д. Кугультинов. «Дальние сигналы». «Литер. Россия». М. 1 мая 1969.

Д. Кугультинов. Стихи. Читает автор. «Говорит и показывает Москва». 31 октября 1988.

Давид Кугультинов с молодыми писателями. «Литер. Россия». М. 3 декабря 1976 (выездной секретариат Правления писателей РСФСР в Грозном). С фотогр.

Давид Кугультинов (Элиста). «Литер. Россия». М. 13 марта 1975.

Давид Кугультинов (Калмыкия). «Я слушал речь Леонида Ильича Брежнева на последней сессии Верховного Совета СССР...»

Давид Кугультинов — заслуженный поклонник Илюмжинова. «Московские новости». 22–25 октября 2002.

Давид Кугультинов. Поэтические встречи. «Говорит и показывает Москва». 2–8 апреля 1979. С портр.

Давид Кугультинов и Иракий Абашидзе (фото). «Литер. газета». М. 30 апреля 1986.

Давид Кугультинов, Георгий Степанов, Иван Варавва и Максим Геттуев на IV съезде писателей РСФСР. «Литер. Россия». М. 19 декабря 1975 (фото).

Делу партии, идеям Ленина — верны. Третий съезд писателей РСФСР. Сообщения ТАСС 25, 27, 28 марта 1970 г. «Правда», «Известия», «Сов. Россия», «Сов. культура», «Труд», «Литер. газета», «Литер. Россия». М. (с фото и речью Д. Кугультинова и др.). «Коммунар». Тула и др. газеты СССР.

Джимбинов Б.О. Калмыцкая литература. Краткая литературная энциклопедия СССР. Т. 3. М. «Сов. энциклопедия» 1966.

Дорджиев Д.Д. Кугультинов Давид Никитич. Краткая литературная энциклопедия СССР. Т. 3. М. «Сов. энциклопедия» 1966. С портр. и библиографией.

Дробот Л. Всемирное влияние. К 144-й годовщине со дня рожд. Л.Н. Толстого, «Коммунар». Тула. 26 августа 1972.

Дудин Михаил. И талантом, и опытом. «Известия». М. 1972. 12 марта.

Евграфов К. Родной дом. «Литер. Россия». М. 1963. 13 декабря.

- Калсаряев Дамба. «Зов сердца» (на соискание Государственной премии СССР). «Литер. Россия». М. 10 сентября 1976.
- Жирмунская Тамара. «Быть человеком не переставал». «Новый мир». № 2. М. 1971.
- Журналы в августе печатают... «Литер. Россия». М. 9 августа 1968 (Д. Кугультинов, «Новый мир»).
- Журналы в сентябре печатают... «Литер. Россия» М. 12 сентября 1969.
- Журналы в декабре печатают... «Литер. Россия» М. 17 декабря 1971 (стихи Д. Кугультинова: «Байкал», «Дон»).
- Журналы в марте печатают... «Литер. Россия». М. 17 марта 1973 (Д. Кугультинов: «Москва», стихи. «Наш современник», поэма «Шахматист»).
- Журналы в марте печатают... «Литер. Россия». М. 2 марта 1973 (Д. Кугультинов: «Наш современник»)
- Журналы в июне печатают... «Литер. Россия». М. 15 июня 1973 (Д. Кугультинов: «Дружба народов», стихи).
- Журналы в июле печатают... «Литер. Россия». М. 11 июля 1975 (Д. Кугультинов: «Юность», стихи).
- Журналы в апреле печатают... «Литер. Россия». М. 5 марта 1982 (Д. Кугультинов. «Молодая гвардия», поэма «Дунаэ»)
- Журналы в ноябре печатают... «Литер. Россия». М. 2 ноября 1984.
- Журналы в феврале печатают... «Литер. Россия». М. 26 января 1985 (Д. Кугультинов. «Сов. литература», стихи).
- Журналы в ноябре печатают... «Литер. Россия». М. 25 октября 1985 («Москва»).
- Захаров Алексей. Нам скандалы не нужны. Заявляют известные деятели культуры Калмыкии. «Российская газета». М. 12 октября 2002.
- «Здравствуйте, литературные вечера!». «Программы радио и телевидения. Еженедельное обозрение». № 8. М. 1969.
- Иванов Александр, Корячкин Василий. Эпиграммы. Дружеские шаржи. Давид Кугультинов. «Юность». № 12. М. 1970.
- Игин И. Федоров Ю. Нам — пятьдесят (Дружеские шаржи). «Литер. газета». М. 1 ноября 1967.
- Из поэтической тетради. «Правда». М. 16 января 1967.
- Интервью с Д. Кугультиновым. «Вопросы литературы». № 2. М. 1968.
- История русской советской литературы. М. 1983. «Прогресс» (цитаты из Кугультинова. С. 5–11).
- К 90-летию со дня рождения С.А. Есенина. «Литер. газета». М. 12 июня 1985 (упом.).
- К 150-летию «Калевалы». «Литер. Россия». М. 22 августа 1984 (упом.).

- К юбилею В.В. Маяковского. «Литер. Россия». М. 7 января 1983 (упом.).
- К юбилею С.А. Есенина. «Литер. Россия». М. 1985. 24 мая (упом.).
- К юбилею В. Луговского. «Литер. Россия». М. 6 марта 1981 (упом.).
- К юбилею Т. Шевченко. «Литер. газета». М. 11 января 1984.
- Кто над чем работает. Давид Кугультинов. «Литер. Россия». М. 12 октября 1982.
- Калашников Геннадий. Бессонная работница — душа. «Литер. Россия». М. 16 сентября 1983 (о книге «Трудное поле жизни»).
- Каляев С. Вачудт сан белг. «Хальмг унн». Элиста. 17 января 1962.
- Капиева Н. Пятый лермонтовский. «Литер. Россия». М. 20 октября 1972.
- Каримов И., Стефанович Ю. Северный Кавказ: жизнь и литература. «Литер. Россия». М. 3 декабря 1976 (Д. Кугультинов о русском языке).
- Катушев К. Награда обязывает. «Литер. Россия». М. 21 февраля 1969.
- Кешоков Алим. Слитно с землей. «Литер. газета». № 3. М. 1967 (о книге Д. Кугультинова «Я твой ровесник»).
- Кичгэ Ту. Кумни котлвр болгч дурн «Хальмг унн». Элиста. 1 декабря 1963.
- Книги недели. Художественная литература народов СССР. На русском языке. «Книжное обозрение». № 1. М. 1976.
- Кожеников Вадим, Инджиев Лиджи. Поздравляем юбиляра. Д.Н. Кугультинову — 50 лет. «Литер. газета». М. 15 марта 1972.
- Комиссия по подготовке к проведению 100-летия В. Хлебникова «Литер. Россия». М. 17 мая 1985 (упом.).
- Косолапов П. Слово о братстве. Интервью с лауреатом Государственной премии РСФСР Давидом Кугультиновым. «Коммунар». Тула.
- Кочемасов В., зам. председателя Совета Министров РСФСР. Высокая награда деятелям культуры. «Сов. Россия». М. 29 декабря 1987.
- Кочетков Виктор. Дом российской поэзии. «Коммунар». Тула. 21 ноября 1971.
- Крохин В. Давид Кугультинов выступает на заводе плавящих сыров в Москве. «Литер. газета». М. 27 июня 1973 (фото).
- Кугультинов Д. Живая вода. Стихи. Киев. «Днипро». 1976. С. 125 («Сокровища братских литератур»). 4000 экз. 69 к. На укр. яз. «Книжное обозрение». М. 13 августа 1976.
- Кузнецов Анатолий. Я дошел до точки. Главы из книги. Публикация и предисловия Алексея Кузнецова. «Новый мир». № 4. 2005 (упом.).
- Кулешов Аркадий. Трагедия Адама Крейзи. О поэме Д. Кугультинова «Бунт разума». «Литер. газета». М. 9 августа 1972.
- Кулиев Кайсын. «Мужество и мудрость в слове том» (на соискание Государственной премии). М. «Труд». 1976. 12 сентября.

- Кулиев Кайсын. Почва и судьба. «Литер. Россия». М. 12 марта 1982. С портр. (поздравление Д. Кугультинова с 60-летием).
- Лебедева Л. Мужественная поэзия. «Новый мир». № 6. М. 1965.
- Лебедева Л. Неразделимые контрасты. «Литература и современность» Сб. 7. М. «Художественная литература». 1967.
- Левшин Игорь (беседа с Д. Кугультиновым. Элиста.). «Литер. Россия». М.
- Леонов Борис. Набат сердца. Штрихи к портрету Давида Кугультинова. «Литер. Россия». М. 24 апреля 1981. С портр.
- Лермонтовский поэтический. «Литер. газета». М. 25 октября 1972.
- Липкин С. Щедрый совет. «Известия». М. 28 августа 1959.
- Липкин С. Поэзия калмыцких степей. «Литература и жизнь». М. 7 апреля 1961.
- Липкин С. О стихотворениях Давида Кугультинова. В кн. «Давид Кугультинов. Избранные произведения в 2 томах». Том I. М. «Художественная литература». М. 1970. С. 5–11.
- «Литер. Россия». М. 1 декабря 1972 (фото Д. Кугультинова, С. Наровчатова, А. Кулешова, Кайсына Кулиева).
- «Литер. Россия». М. 3 апреля 1970 (речь Д. Кугультинова, фото А. Алдан-Семенова, Н. Кочина, Г. Серебряковой и др.).
- Литература, рожденная братством. «Литер. газета». М. 15 ноября 1972.
- Литература степного края. «Литер. газета». М. 11 января 1967 (о неделе калмыцкой поэзии в Москве).
- «Литер. Россия». М. 9 декабря 1966 (о публикации стихов Д. Кугультинова в журн. «Дон». № 12. 1966 г.).
- «Литер. газета». М. 7 марта 1965, с фото.
- «Литер. Россия». № 45. М. 1966 (о публикации стихотв. Д. Кугультинова в журнале «Волга»).
- Ломидзе Г. Интернациональное и национальное в советской литературе. «Коммунист». № 17. М. 1966.
- Ломидзе Г. Единство и многообразие. «Правда». М. 4 сентября 1966 (упом.).
- Ломидзе Г. Животворная сила. «Правда». М. 1972. 9 декабря.
- Ломунова Маргарита. В цветенье и в труде. Дни литературы и искусства РСФСР в Азербайджане. «Литер. Россия». М. 13 октября 1972.
- Ломунова М. Счастьем делился. «Литер. Россия». М. 3 февраля 1984 (рец. на сб. воспоминаний о Семене Данилове).
- Лукницкий С., Султанов И. Источник вдохновения — современность. Выездное заседание секретариата Правления СП РСФСР в Грозном. «Литер. газета». М. 8 декабря 1976.
- Львов Анатолий. Норильск (главы из книги). «Заполярная правда». Норильск. 1 ноября 1977.

Львов А.Л. Большой Норильск. М. «Металлургия». 1984. «Слово о Норильске». С. 159.

Львов Анатолий. Норильские судьбы. 1815–1995. М. «Престо». 1995.

Ляшкевич Д. Вечера поэзии в Заполярье. «Литер. Россия». М. 11 марта 1977.

Маицынов Б. Бессмертное творение народа. К 500-летию калмыцкого эпоса «Джангар». «Комсомольская правда». М. 6 сентября 1940 (упом.).

Манджиев Нимгир Манджиевич. Краткая литературная энциклопедия СССР. Т. 4. М. 1967. С. 541.

Мартынова В.Д. Норильск творческий. «Заполярная правда». Норильск. 6 февраля 1971.

Мартынова В. Наш друг Сергей Норильский. «Заполярная правда». Норильск. 18 сентября 1971.

Маяковскому посвящается. «Литер. Россия». М. 6 мая 1983 (упом.).

Медведко Л. У степ Иерусалима. «Правда». М. 16 января 1990 (о пресс-конференции главы делегации Советского комитета стран Азии и Африки, депутата Верховного Совета СССР Давида Кугультинова).

Метченко А. Ключевая проблема. Заметки о народности литературы и искусства. «Правда». М. 24 декабря 1969.

Михайлов Ал. На полувековой орбите. Заметки о сборнике «День поэзии-1967». «Литер. газета». № 51. М. 1967.

Михалков Сергей. Живые, трепетные нити. «Литер. газета». М. 23 июня 1971.

Михалков Сергей. Вдохновенное слово России. «Литер. газета». М. 20 декабря 1972.

Михалков Сергей. Увлеченность жизнью (художник и время). «Правда». М. 11 февраля 1973.

Мир на страницах журналов. «Заполярная правда». Норильск. 19 ноября 1971.

Молдавский Дм. Песни над степью (на соискание Государственной премии). «Правда». М. 17 сентября 1976.

«Москва» сегодняшняя. «Литер. газета». М. 18 сентября 1968 (интервью с Мих. Алексеевым).

Мустай Карим. Высокое право поэта (13 марта — 50 лет со дня рождения Давида Никитича Кугультинова). «Литер. Россия». М. 3 марта 1972.

На родине А.М. Горького (ТАСС). «Коммунар». Тула. 1968. 25 июня (и др. газеты). (Упом.).

На соискание Государственных премий СССР (Д. Кугультинов: «Зов апреля»). «Литер. газета». М. 18 мая 1976.

Навстречу XXVII съезду КПСС. «Литер. газета». М. 23 октября 1985 (упом.).

Нелетная погода. «Литер. газета». М. 7 февраля 1979 (Д. Кугультинов, К. Кулиев, М. Дудин в аэропорту Норильска. Фото А. Карзанова).

Николаев Александр. «...И друг степей калмык». Давиду Кугультинову. «Дружба народов». № 4. 1968.

Никитина Р. Стихи как жизнь. Д. Кугультинов, К. Кулиев и др. — гости Норильска. «Заполярная правда». Норильск. 18 февраля 1977.

Новинки недели. Д. Кугультинов. «Сквозь века». «Литер. Россия». М. 5 апреля 1968.

Новинки недели. Д. Кугультинов. «Я твой ровесник» (переиздание). «Литер. Россия». М. 17 января 1969.

Новинки недели. Д. Кугультинов. «Дальние сигналы». «Литер. Россия». М. 1 мая 1969.

Новинки недели. Д. Кугультинов. «Ситара Дэви». Элиста. «Литер. Россия». М. 19 июня 1970.

Новинки недели. Д. Кугультинов. Избранные произведения в 2 томах. Том I. «Художественная литература». М. 1970. «Литер. Россия». М. 26 июня 1970.

Новинки недели. Д. Кугультинов. Избранные произведения в 2 томах. Том II. «Художественная литература». М. 1970. Тир. 25000. «Литер. Россия». М. 10 июля 1970.

Новинки недели. Д. Кугультинов. «Близь и даль». М. «Молодая гвардия». «Литер. Россия». М. 20 сентября 1972.

Новинки недели. Д. Кугультинов. «Возраст». М. «Сов. Россия». «Литер. Россия». М. 9 марта 1973.

Новинки недели. В. Перкин. Стихи о пережитом. Тула. Приокское книжное издательство. «Литер. Россия». М. 3 ноября 1973.

«Новый мир» в 1969 году. «Новый мир». № 7, 9, 1. М. 1963.

«Новый мир» в 1971 году. «Новый мир». № 7, 8. М. 1970 (на обл.).

Норильский С. Рост поэта. «Заполярная правда». Норильск. 1964. 24 мая.

Норильский С. От Норильска до энциклопедии. «Заполярная правда». Норильск. 13 декабря 1966.

Норильский С. Давид Кугультинов — лауреат. «Заполярная правда». Норильск. 11 февраля 1963.

Норильский С. Давид Кугультинов. «Сквозь века». «Заполярная правда». Норильск. 2 июля 1968.

Норильский С. Поэт — борец, философ, лирик. «Заполярная правда». Норильск. 30 апреля 1969.

Норильский С. «Дальние сигналы». «Заполярная правда». Норильск. 21 апреля 1970.

Норильский С. Норильчане в энциклопедии. «Заполярная правда». Норильск. 1 февраля 1972.

Норильский С. Друг Норильска. «Заполярная правда». Норильск. 12 марта 1972.

Норильский С. Новый сборник Д. Кугультинова. «Заполярная правда». Норильск. 13 января 1975.

Норильский С. Три тома Кугультинова. «Заполярная правда». Норильск. 21 марта 1978

О времени и о себе. «Сов. Россия». М. 24 сентября 1967.

О присуждении Д. Кугультинову Государственной премии РСФСР за 1967 г. «Правда», «Известия», «Труд», «Сов. Россия», «Комсомольская правда», М. «Коммунар». Тула и др. газеты СССР.

О присуждении Д. Кугультинову Государственной премии СССР. Все газеты СССР. 7 ноября 1976.

О сборнике стихов Д. Кугультинова «Я твой ровесник». «Литер. Россия». М. 2 сентября 1966 (инф.).

Об утверждении состава участковых избирательных комиссий по выборам в Норильский городской Совет депутатов трудящихся. Решение исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся 16 января 1957 г. «Заполярная правда». Норильск. 19 января 1957 (секретарь избирательной комиссии участка № 13 Кугультинов Давид Никитич, от профсоюзной организации управления торговли).

Общее дело, общие идеалы. «Литер. газета». М. 5 июля 1972.

От Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, «Известия», «Правда», «Сов. культура», «Сов. Россия», «Труд», «Литературная газета», «Литературная Россия» и др. газеты СССР. 17 мая 1974 г. (о выдвижении Д. Кугультинова, В Быкова, Л. Мартынова, И. Смоктуновского, О. Ефремова и др. на соискание Государственной премии). «Огонек». № 57. М. 1987 (фото).

Озерова Ирина. Поэт, время. «Известия». М. 27 августа 1967 (рец. на сб. «Я твой ровесник»).

Осетров Евгений. Поэзии вечное движение. «Литер. газета». № 35. М. 1967.

Осетров Евгений. Возможности жанра. «Правда». М. 1 июля 1973 (лит. обозрение с разбором поэмы «Бунт разума»).

Памяти А. Кулешова. «Литер. Россия». М. 20 апреля 1984.

Панков Виктор. Традиции, героизм, патриотизм, интернационализм (50 лет советской литературы). «Литер. Россия». М. 29 сентября 1967.

Первый всесоюзный праздник поэзии С. Есенина. «Литер. Россия». М. 18 октября 1985 (упом.)

Перекидной календарь 1982 г. Издательство политич. литературы 1981 (13 марта — 60-летие Д. Кугультинова).

Пилиповская С. У микрофона — писатель. «Литер. газета» М. 21 июня 1972

Поздравляем! «Литер. Россия». М. 4 апреля 1972.

Поздравляем! «Литер. Россия». М. 17 марта 1972 (о награждении Д. Кугультинова орденом Трудового Красного Знамени).

Подписные издания 1976 года (в блокнот библиофила). Кугультинов Д. Собрание сочинений в 3 томах «Книжное обозрение». № 1. 1976.

Полевой Б. Заглядывая в журнальную верстку. «Юность». «Литер. газета». М. 16 июля 1969.

Певцу России. «Литер. газета». М. 23 октября 1985 (к юбилею Есенина, упом.).

Первый в этом сезоне. «Литер. Россия». М. 25 октября 1985 (вечер с участием Д. Кугультинова и др.).

Помазнева В. Турбина В. Мулладжанов Л. Крохин В. (фото). Год начинается с весны. «Литер. газета». М. 24 апреля 1974.

Помазнева В. Солнце Севера. «Литер. газета». М. 2 июля 1975.

Пономарев М., секретарь Калмыцкого обкома КПСС. Счастье пришло в калмыцкие степи. «Правда». М. 22 августа 1959.

Поэзия. Стихи Давида Кугультинова, Юрия Поройкова, Саши Черного. «Литер. Россия». М. 10 октября 1980.

Поэзия Калмыкии. «Литер. газета». М. 1 сентября 1940.

Писатель у микрофона. Д. Кугультинов. «Говорит и показывает Москва». № 18. 1977.

Поэтическая тетрадь. Д. Кугультинов. Новые стихи читает автор. «Говорит и показывает Москва». 23 августа 1988.

Пленум Правления Союза писателей СССР. В перерывах между заседаниями. Ираклий Андроников. Давид Кугультинов. «Литер. газета». М. 2 февраля 1972.

Пленум Правления Союза писателей РСФСР. Информационное сообщение о докладе Д. Кугультинова, фото. «Литер. Россия». М. 17 декабря 1972.

Поэт и время. Памятник предкам. Стихи. «Дружба народов». № 4. М. 1966.

Поэт Давид Кугультинов, норильчанин с 1945 по 1957 гг. На реке Норильской, 1950 г. Фото Г. Старицкого. «Заполярий вестник». 15 июля 2005 г. Норильск.

Прежде всего — современность. III съезд Союза писателей Калмыкии. «Литер. газета». М. 23 января 1973 (упом.).

Приокское книжное издательство (Тула). В. Перкин. Стихи о пережитом. «Литер. Россия». М. 9 ноября 1973 (цит. Д. Кугультинова).

Разговор о поэзии. «Литер. Россия». М. 7 февраля 1986.

Резвова Тамара. Сплав ума и таланта. «Сов. Россия». М. 3 марта 1968.

Рукопожатие. «Литер. Россия». М. 11 апреля 1984.

Ромашеико Д. У могучих истоков. М. 1963.

Сборник «Сокровенные слова» (Элиста. 1968). «Литер. Россия». М. 20 декабря 1968.

Сдано в производство. «Современник». «Литер. Россия». М. 26 ноября 1982.

Светлов Н. В поисках и находках. «Литер. газета». М. 11 апреля 1959 (рец. на «Глазами сердца»).

СССР — США: диалог литераторов. «Литер. газета». М. 27 ноября 1985 (упом.).

Сердце с правдой вдвоем. Стихи поэтов: Е. Евтушенко, Р. Гамзатова, Д. Кугультинова. Прочтут М. Ульянов, Л. Филатов. «Говорит и показывает Москва». № 11. Март 1986.

Сергованцев Н. Душа его слов. «Огонек». М. 18 марта 1912.

Сигнальный экземпляр. Д. Кугультинов. Избранные произведения в 2 томах. «Литер. газета». М. 8 июля 1970.

Следуя горьковской традиции. «Литер. газета». М. 22 декабря 1971.

Соболев Л. В семье российской литературы. «Сов. Россия». М. 22 декабря 1968.

Соловьев Бор. Путь к вершинам. «Правда». М. 10 мая 1966.

Соловьева Изабелла. Люблю обычные слова. «Юность». № 11. М. 1965 (рец. на стих, Д. Кугультинова «Друзьям»).

Сретенский И. Давиду Кугультинову. «Литер. газета». М. 20 января 1982 (эпиграмма с дружеск. шаржем).

Сурков Ал. Симфония братства. «Правда». М. 5 декабря 1972.

Счастливого пути, поэт! «Литер. Россия». М. 17 марта 1972 (о вechе Д. Кугультинова в ЦДЛ).

Татьяничева Людмила. Чувство будущего. «Правда». М. 15 октября 1965 (о сб. Д. Кугультинова «Стихи»).

Творческое обсуждение. «Литер. газета». М. 8 июля 1970.

Теракопан Леонид. Дыхание жизни. Очерки о современной советской многонациональной литературе. М. 1971.

У оленеводов Якутии. Фото (Д. Кугультинов и Н. Андреев). «Литер. газета». М. 7 апреля 1976.

Указ Президиума Верховного Совета СССР. О награждении писателя Кугультинова Д.Н. орденом Трудового Красного Знамени. «Литер. газета». М. 15 марта 1972.

Утверждать передовые идеи эпохи. VI съезд писателей Калмыцкой АССР. «Литер. Россия». М. 11 января 1985.

Ушаков Ник. Бег лет и десятилетий. «Литер. Россия». М. 7 марта 1969.

Федоров Василий. Черты общности (Д. Кугультинов и К. Кулиев). «Литер. Россия». М. 5 декабря 1969.

Федяева В. Книга выиграла бы... «Литер. газета». М. 19 февраля 1966.

Хроника. «Литер. газета». М. 29 марта 1972.

ЦДЛ, день за днем. «Литер. газета». М. 22 марта 1972.

«Центральное телевидение». № 2 (484). М. Январь 1966 (чтение стихов Д. Кугультинова по Всесоюзному радио 13 января 1966 г.).

Черешнева Н.Ю. Сергей Львович Щеглов (85 лет со дня рождения). Сб. «Тульский край. Памятные даты. 2006». Тула. Гриф и К. 2005 (упом.).

Шагов Виктор. Давид Кугультинов беседует с работниками Сумгаитского проектного института «Нефтехимавтомат». «Литер. Россия». М. 13 октября 1972.

Шайбулатова Татьяна. Полвека с книгой. «Заполярный вестник». Норильск. 20 апреля 2005.

Шерешевский Л. Служа добру. «Гудок». М. 25 декабря 1976.

Шихеева (Гайстер) И.А. Москва, Кремль, депутату Верховного Совета СССР Д.Н. Кугультинову. Помогите мне, как Вы помогли Николаю Ивановичу. «Литер. газета». М. 20 марта 1991.

Школа мастерства. По страницам журнала «Литературная учеба». «Правда». М. 21 сентября 1981.

Шошин В.А. Литература народов СССР. Изд. 2. М. «Просвещение» 1982 (о Д.Н. Кугультинове, фото).

Щеглов С. Стихи Давида Кугультинова. «Заполярная правда». Норильск. 21 июля 1959 (рец. на сб. «Глазами сердца»).

Щеглов С. Точная трасса. «Сибирские огни». № 11. Новосибирск. 1960.

Щеглов Сергей. «Наш век труден, он нуждается в мудрости». «Заполярная правда». Норильск. 8 мая 1971.

Щеглов С. В. Лебединский, П. Мельников. «Звезда Заполярья». «Сибирские огни». № 6. Новосибирск. 1973.

Щеглов Сергей. Вместить в себя весь мир. 13 марта поэту Давиду Кугультинову исполняется 82 года. «Заполярный вестник». Норильск. 12 марта 2004.

Элиста. «Литер. газета». М. 9 июля 1969.

Элиста. «Литер. Россия». М. 15 ноября 1985.

«Я люблю жизнь — и потому пишу стихи». Вечер поэзии Давида Кугультинова в концертной студии Останкино. «Говорит и показывает Москва». 10 августа. 1979. С портр.

Оглавление

ВОЙНА И КАТОРГА.....	3
В ХАНСТВЕ — ОБРАЗЦОВЫЙ РАЙ.....	12
«ТОЧНАЯ ТРАССА».....	24
КЛЕТКИ СЕРДЦА НЕ УМРУТ.....	30
ПУСТЬ В СЕБЯ ПОВЕРИТ ЧЕЛОВЕК.....	41
СОЛНЦЕ И ДЕВУШКА.....	47
БУДУЩЕЕ В НАСТОЯЩЕМ.....	53
ФИЛОСОФСКИЙ РОМАН В СТИХАХ.....	65
БЕЗ НИЗКОЙ МЫСЛИ НРАВИТЬСЯ КОМУ-ТО.....	73
БИБЛИОГРАФИЯ.....	85

Сергей Львович **НОРИЛЬСКИЙ**
ПТИЦЫ ПОЭЗИИ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА

Корректор *Ханина Н.Г.*
Компьютерная верстка *Смерчко Т.С.*

Формат 60 x 84/16. Печ. л. 6,625.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 742.
ИПП «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

Сергей Львович ЩЕГЛОВ (литературный псевдоним С. НОРИЛЬСКИЙ) родился в 1921 году. Инженер, журналист, краевед, литературный критик. Ветеран Норильского комбината, один из его первых строителей (с 1942 по 1961 год). Член Союза журналистов России с 1959 года, член таймырского отделения Союза российских писателей (с 2001 года). Автор краеведческой книги «Город Норильск» (1958), а также книг: «Н.М. Фёдоровский» (1967), «Мастер тульского оружия» (1969), «Сергей Степанов» (1974), «Владимир Лазарев» (1985), «Сталинская премия» (1998), «Не вечно зло, если добро множить» (1999, 2-е издание – 2000) и двух томов «Книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области» (1999 и 2003). Дважды лауреат журналистской премии имени Глеба Успенского (1974 и 1991) и литературной премии имени Льва Толстого (2000).

